

Естественная история ДРАКОНОВ

Мемуары леди Трент

**МАРИ
БРЕННАН**

Иллюстратор
Тодд Локвуд

ТАЙНА ЛАБИРИНТА

Естественная история драконов

Мари Бреннан

**Мемуары леди Трент:
Тайна Лабиринта**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Бреннан М.

Мемуары леди Трент: Тайна Лабиринта / М. Бреннан —
«Издательство АСТ», 2016 — (Естественная история драконов)

ISBN 978-5-17-114059-5

В новом захватывающем романе Мари Бреннан очаровательная леди Трент переносит свои исследовательские авантюры в пустыни Ахии. Об экспедиции леди Трент в негостеприимные ахиатские пески слышали даже те, кто вовсе не интересуется исследованиями в области драконоведения. Сделанные ею открытия – нечто сродни фантастической легенде – стремительно возносят ее со дна научной безвестности к вершинам всемирной славы. Подробности ее частной жизни в данное время также сделались достоянием гласности и обеспечили пищу для сплетен доброму десятку государств. Однако, как часто случается в карьере сей просвещенной дамы, история, известная публике, далека от настоящей. В этом, четвертом, томе своих мемуаров леди Трент рассказывает о том, как получила должность в Вооруженных Силах ширландской короны, о том, как ее работа, здоровье и сама жизнь едва не пострадали от рук зарубежных диверсантов, и, конечно, о том, как неуклонное стремление к познанию привело ее в глубины Лабиринта Змеев, где некие самые обыкновенные действия некой самой обыкновенной самки пустынного дракона послужили толчком к величайшему из открытий, совершенных леди Трент до сих пор.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-114059-5

© Бреннан М., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	8
Часть первая	9
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	45
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мари Бреннан
Естественная история драконов. Тайна
Лабиринта. Мемуары леди Трент

Marie Brennan
In the Labyrinth of Drakes

Copyright © 2016 by Bryn Neuenschwander. All rights reserved

Cover and interior art © Todd Lockwood

© Д. А. Старков, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Подозреваю, при виде заглавия этого тома немалая доля читательской аудитории сочтет, что содержание его будет полностью посвящено известному открытию, сделанному мной в Лабиринте Змеев. Действительно, в свое время речь пойдет и о нем – на сей счет можете не опасаться, однако если вас заботит оно и только оно, вам следует немедленно закрыть эту книгу и приобрести экземпляр превосходного труда Наоми Сонгфилд «Под взором Стражей». В ее книге вы найдете то, что желаете, в самых скрупулезнейших подробностях, на какие только можете надеяться (и вдобавок немало тех, о коих и не подозревали).

Прочие, полагаю, приобрели эту книгу ради всего остального – то есть ради описания несчастных случаев и счастливых событий, предшествовавших этому открытию и последовавших за ним. То был чрезвычайно сложный период моей жизни, и рассказывать о нем непросто. На протяжении одного-единственного года мне довелось столкнуться с дилеммами этического, интеллектуального и политического характера; по собственной и чужой воле рисковать жизнью; пережить одну из самых обидных неудач в карьере, добиться одного из величайших своих достижений и принять решение, направившее мою жизнь в совершенно иное русло.

В довершение всего, история эта – весьма личного свойства. Знаю, знаю: странно говорить такое о периоде, привлечшем к себе столь пристальное внимание общества, но... Даже я, при всем своем отсутствии стыда, работая над этими записками, нередко испытывала смущение – ведь многие из их эпизодов никак не описать без подробного изложения собственных мыслей и чувств. Конечно, в этом и состоит задача любых мемуаров, и, принимаясь за дело, я это вполне сознавала, однако, когда настал час говорить о подобных материях, признаться, засомневалась. Какого бы признания ни удостоились мои научные свершения, иллюзий, будто и личные мысли, и чувства, и поступки мои способны достичь того же, я отнюдь не питаю.

Что ж, как бы там ни было, это моя история, и я буду рассказывать ее так, как сама сочту нужным. И, в силу сих обстоятельств, последую тем самым извилистым путем, что привел меня в Лабиринт – путем, изобилующим всеми мыслимыми препятствиями, от сложнейших научных проблем до покушений на убийство, – и приглашаю тебя, мой благосклонный читатель, пройти его вместе со мной.

Изабелла, леди Трент

Фальчестер

26 вентиса 5661 г.

Часть первая

В которой мемуаристка, вопреки противодействию с самых разных сторон, находит работу

Глава первая

Приглашение на службу – Проблемы драконоводства – Условие лорда Россмера – Вспоминаю старого друга – Научные изыскания – Подготовка к отбытию – Размышления о прошлом

Бесцеремонный, пренебрежительный отказ, полученный, невзирая на то, что вы прекрасно подходите для данной работы, – дело малоприятное. Но тем приятнее впоследствии видеть, как отказавшим приходится подавиться собственными словами.

Благодарить же за сие удовольствие следовало Томаса Уикера, моего давнего коллегу по научным изысканиям. Он был действительным членом Коллоквиума Натурфилософов, а я – нет. Сие досточтимое научное сообщество изредка снисходит до того, чтобы принять в свои ряды человека не слишком высокого происхождения, но дамам, сколь бы далеко ни тянулась в прошлое их родословная, ход туда закрыт. Посему, строго говоря, и отказ получила не я, а Том.

За пост, в коем ему было отказано, шла жесткая конкурентная борьба. Естественная история была не такой уж старой научной дисциплиной, а драконоведение и вовсе начало оформляться в отдельную область науки совсем недавно. Этому немало поспособствовали публикации Тома, а также и мои, однако мы были отнюдь не единственными: в Антиопе насчитывалось минимум полдюжины ученых со схожими интересами – в первую очередь высокочтимый герр доктор Станислау фон Лосберг.

Но дело в том, что вся эта полдюжина жила за границей – главным образом, в Айверхайме и Тьессине. В Ширландии же не имелось никого, способного сравниться квалификацией с Томом – особенно после того, как он стал действительным членом Коллоквиума. Естественно, когда открылась должность, на которую требовался именно специалист-драконовед, выбор в первую очередь должен был пасть на него – и так оно и вышло.

Любые слухи, будто он ответил отказом, лживы. От должности Том не отказывался. Напротив, он известил потенциальных нанимателей о том, что мы – он и я – с радостью примем их предложение. Когда же ему ответили, что предложение касается только его одного, он заверил, что я в жалованьи не нуждаюсь: недавнее лекционное турне и публикации принесли мне весьма неплохой доход. (На самом-то деле жалованью я была бы рада, поскольку доход оказался не столь велик, как мог бы, но ради такой возможности поступилась бы им, не раздумывая.) Тем не менее Тому дали понять, что, вне зависимости от финансовых вопросов, мне в данном заведении не рады. Однако Том твердо держался того, что нанимать его – значит, нанимать нас обоих. Тогда вместо нас должность отдали Артуру Хальстаффу, барону Тавенорскому, и на этом все успокоилось.

До поры до времени.

Спустя полтора года те же самые наниматели едва не на брюхе к нам приползли. Лорд Тавенор ушел в отставку, не добившись никакого успеха, да, кроме того, и с местным населением не поладил. Посему предложение, сделанное Тому, было возобновлено. И Том согласился – почти на тех же условиях, только на сей раз сказал, что, по зрелом размышлении, жалованье мне придется как раз кстати. И ясно дал понять: если согласие на его условия для работодателей неприемлемо – что ж, пусть хоть вешаются!

Вот вкратце и вся история о том, как я оказалась на службе в Вооруженных Силах Его Величества и отправилась в пустыни Ахии, растить для армии стада драконов военного назначения.

* * *

Проблема разведения драконов в неволе была не нова: приручить их и приспособить для собственных нужд люди мечтали с доисторических времен. Попытки приручения принимали все мыслимые формы – от прыжков на спины взрослым особям, дабы объездить их и поставить под седло (что неизменно заканчивалось увечьями, а то и гибелью всадника), до похищения детенышей или яиц из-за мнения, что молодняк приручить легче, а также до содержания драконов в клетках – в весьма оптимистической надежде вдохновить их на размножение.

Последнего сложно добиться даже от менее опасных диких животных. Гепарды, например, в брачных играх крайне прихотливы и очень быстро переходят от полного равнодушия к дикой страсти, а затем и к нападению на бывших возлюбленных. Другие животные от брачных игр иногда отказываются вовсе – из-за стеснительности ли, или по какой-то иной причине. Как известно, йеланские гигантские панды в вольерах императорского зверинца ни разу не дали потомства.

Пожалуй, мне стоит вас честно предупредить: поскольку данный том мемуаров посвящен моим азиатским исследованиям, в нем – по необходимости – будет немало сказано о брачных играх драконов и прочих животных. Тем, чьи чувства слишком нежны для такой откровенности, могу посоветовать попросить более крепких духом друзей прочесть эту книгу за них и пересказать им в тщательно отцензурированной версии. Правда, боюсь, редакция выйдет коротковата.

Так вот, драконы в сем отношении еще менее сговорчивы. Йеланцы, в частности, пытаются разводить драконов с давних времен, но, несмотря на несколько грандиозных эпохальных заявлений, убедительных доказательств успеха с какими-либо видами драконов, кроме самых мелких, до сих пор не представили. Драконы крупные, из тех, которые первым делом приходят на ум всякому, услышавшему слово «дракон», идти навстречу желаниям людей отказываются наотрез.

Однако в то время, в третьем десятилетии нового века, нам более всего требовалось поладить именно с крупными драконами.

Причиной тому, конечно же, была драконья кость. Невероятно легкая и феноменально прочная, драконья кость – вещество просто чудесное... когда его сумеешь заполучить в руки. Причудливый химический состав драконьей кости ведет к тому, что после смерти драконов, не защищенные более их плотью и кровью, их кости разлагаются с невероятной быстротой. Но вот однажды чиворцу по имени Гаэтано Росси удалось разработать метод их сохранения, каковой был украден у него нами с Томом Уикером, а после, в свою очередь, украден у нас и продан некой промышленной компании из города Ва-Хин. За три года до того, как я отправилась в Ахию, широкой общественности стало известно о том, что йеланцы строят из драконьей кости весьма надежные целигеры¹ – воздушные суда, которые можно использовать не только ради забавы.

– Если бы вы без промедлений поделились тем, что узнали, с Короной, – сказал нам с Томом лорд Россмер при первой встрече, – сейчас мы не оказались бы в таком положении.

О том, что сия информация хранилась в секрете именно затем, чтоб избежать этого положения, я говорить не стала. Во-первых, потому, что это было правдой лишь отчасти, во-вторых же – из-за того, что Том чувствительно наступил мне на ногу. Открывшаяся перед нами возможность стоила ему немалых трудов, и он вовсе не хотел, чтобы я пустила все прахом, наговорив дерзостей бригадиру армии Его Величества. Посему я изложила свои мысли более сдержанно.

¹ От *лат.* caelum («небо; воздух; атмосфера») + *герм.* («нести; держать»). *Здесь и далее – примеч. пер.*

– Понимаю, это может показаться неправдоподобным, однако мы имеем перед йеланцами значительное преимущество. Я убеждена: благодаря стараниям Фредерика Кембла наши изыскания в области синтеза драконьей кости намного опережают их. Кембл работал над этой проблемой несколько лет, в то время, как весь прочий мир еще не знал ничего.

Сие замечание лорд Россмер проигнорировал. Следующие его слова были обращены к Тому:

– Если драконы могут принести нам пользу, над их трупами я не пролью ни слезинки. Но в то же время я человек практического ума. Большая часть достойных внимания железных рудников Ширландии уже исчерпаны, а плацдарм в Байембе, благодаря вашей спутнице, утрачен. Если сейчас ради исходного материала истребить половину драконов, спустя поколение начнутся войны из-за оставшихся. Нам необходим возобновляемый запас, а это значит, что их нужно разводить.

Ни для Тома, ни для меня все это новостью не было. Слова лорда Россмера предназначались не для того, чтоб сообщить нам нечто новое, – они были лишь прелюдией к дальнейшему разговору.

– Ваша работа, – продолжал он, – должна проводиться в условиях строгой секретности. Возможно, метод сохранения кости миру и известен, но в драконоводстве пока еще никто не преуспел. Государство, добившееся цели и поставившее драконов себе на службу, получит долговременное преимущество над соперниками, и упускать этот шанс мы не намерены.

Однако овладеть этим секретом предстояло не одному государству, а двум. В Ширландии к тому времени «драконов настоящих» не осталось – только их дальние родственники наподобие искровичков, с которых я когда-то, многие годы назад, начала свои исследования. Политика сводит в одной постели самых странных партнеров, и в этом случае мы оказались в постели с Ахией: азиатские пустынные драконы идеально подходили для наших целей – если, конечно, нам удастся побудить сих животных к сотрудничеству.

– Мы, конечно же, сделаем все, что в наших силах, – сказал Том. – Однако вдвоем с такой работой не справиться... полагаю, лорд Тавенор имел штат ассистентов?

– Да, безусловно. Некоторое количество азиатских работников и комплекс зданий, служащий также казармами для нашего воинского контингента в Куррате. И один джентльмен, с которым вы будете поддерживать связь... – лорд Россмер порылся в каких-то бумагах. – Хусам ибн Рамиз ибн Халис аль-Аритати. Шейх одного из туземных племен. Нам гарантировали, что он вполне достоин доверия.

– Полагаю, мы также получим доступ к рабочим дневникам лорда Тавенора? – спросила я. – О своей работе он не публиковал ничего. Очевидно, успеха он не добился, иначе вы не искали бы ему замену, но все же мы должны знать, что именно он делал, дабы не тратить попусту времени на повторение его ошибок.

В зависимости от того, что обнаружится в его дневниках, нам предстояло потратить немало времени именно на повторение его ошибок в попытках выяснить, где Тавенор ошибся – в гипотезах или в выборе методов. Но это мы с Томом обсудили загодя, и мой вопрос был нужен только затем, чтоб подготовить почву для реплики Тома.

И мой товарищ, весьма убедительно наморщив лоб, подхватил:

– Да, отсутствие публикаций – при таких-то масштабных научных целях – меня немало смущает. По-видимому, все оказалось впустую. Я понимаю, что вопросы, касающиеся размножения драконов в неволе, не подлежат разглашению, но нам хотелось бы, чтобы вы поняли следующее: кавалерственная дама Изабелла Кэмхерст и я вольны предавать гласности все остальные свои открытия, как сочтем нужным.

Как странно было слышать из уст Тома этот титул! Столь формально мы не держались друг с другом со времен Мулина; напротив, у нас существовал молчаливый уговор: разнице

в положении между нами места нет. Однако, ведя дела с людьми наподобие лорда Россмера, без формальностей было не обойтись.

– Остальные открытия? – вскипел от негодования бригадир. – Мы посылаем вас выращивать драконов, а не метаться из стороны в сторону, изучая все, что придет в голову!

– Конечно же, мы полностью посвятим себя этой задаче, – самым примирительным тоном, на какой только была способна, ответила я. – Но, занимаясь ею, несомненно, откроем тысячи подробностей анатомического и поведенческого характера, которые совсем ни к чему хранить, как государственную тайну. Вот, например, Матье Семери из Тьессина снискал немалую известность, изучая виверн в Бульскево. Мне очень не хотелось бы, чтобы в глазах мирового научного сообщества Ширландия выглядела отстающей – и только потому, что мы будем вынуждены хранить молчание обо всем, что удастся узнать.

Как ни жаль, в этот момент ситуация не позволяла втайне поклясться самой себе поступить по-своему, послав к чертям возможные последствия. Такое подходило для ношения брюк в поле или для дружбы с мужчинами, раз от раза порождавшей всевозможные слухи... однако, нарушив соглашение с Вооруженными Силами Его Величества, мы с Томом вполне могли угодить в тюрьму. Я была твердо намерена в полной мере воспользоваться такой прекрасной возможностью обнародовать исследования, но для этого требовалось заручиться согласием лорда Россмера.

Между тем лорд Россмер, не утруждаясь скрывать подозрений, спросил:

– И что же именно вы предполагаете опубликовать?

Я покопалась в мыслях в поисках самой скучной научной тематики, какую только можно вообразить.

– О, например... особенности ухода за чешуей после питания, свойственные пустынным драконам. Вылизываются ли они, подобно кошкам? Или, может, валяются в песке? А если так, как сказывается на их чешуе абразивное действие песка?..

Уловка подействовала: лорд Россмер тут же заскучал.

– Благодарю вас, кавалерственная дама Изабелла, этого довольно. В Куррате все материалы для публикаций вам надлежит представлять на рассмотрение полковнику Пенситу, с приложением списка отдельных ученых и научных изданий, в которые вы намерены отослать ваши статьи. При необходимости он будет консультироваться с генералом, лордом Фердиганом, и далее – да, все, что они одобряют, можете публиковать. Но окончательное решение принимают они и только они.

Надзор военных не слишком-то меня радовал, но на лучшее, судя по всему, рассчитывать не стоило.

– Благодарю вас, – сказала я, стараясь говорить как можно искреннее.

– Когда мы сможем начать? – спросил Том.

Лорд Россмер фыркнул.

– Мог бы я посадить вас на корабль завтра же – так бы и сделал. Если вы каким-то чудом не заставите драконов расти быстрее, на получение необходимого количества материала уйдут годы – и то при условии немедленного успеха. Йеланцы, вне всяких сомнений, работают над той же проблемой, так что времени у нас, считайте, нет.

– Ну, а поскольку посадить нас на корабль завтра же не удастся, то?... – напомнила я.

– Когда вы будете готовы к отъезду?

Тон вопроса ясно давал понять: идеальный ответ – послезавтра, а с каждым лишним днем вынужденного ожидания расположение духа лорда Россмера будет становиться все хуже и хуже. Мы с Томом обменялись взглядами.

– В ближайший селемер? – предложил Том.

Опыта путешествий у меня накопилось достаточно, чтобы успеть подготовиться.

– Да, это вполне осуществимо, – согласилась я.

– Блестяще! – откликнулся лорд Россмер, сделав пометку в календаре. – Я извещу вас сразу же, как только мы зарезервируем билеты. Вас, мистер Уикер, разместят в Мужском Доме курратского Квартала Сегулистов. Вы, кавалерственная дама Изабелла, будете жить в местной семье, у некоего Шимона бен Надава. Конечно, он – также сегулист, хотя, как вы, возможно, понимаете, храмовник. Боюсь, магистриан в Ахии – по пальцам перечесть. Меблировкой и тому подобным вас обеспечат; везти с собой все хозяйство ни к чему.

По слухам, лорд Тавенор именно так и сделал – и, оставив должность, был вынужден везти все свои пожитки обратно за собственный счет. Я, к счастью для лорда Россмера, привыкла обходиться немногим. В сравнении с моей каютой на борту «Василиска» любое, самое жалкое жилище показалось бы просто королевским дворцом – хотя бы из-за одной только возможности свободно гулять снаружи.

Конечно, до отъезда следовало уладить сотню различных формальностей, но для таких, как лорд Россмер, все это были сушие пустяки. Вызвав адъютанта, он представил ему нас и поручил сему офицеру заняться всем остальным, а нас отпустил улаживать собственные дела.

Спустившись по лестнице вниз, мы с Томом вышли на оживленные улицы Дробери (в те времена фальчестерская штаб-квартира Вооруженных Сил Его Величества еще располагалась там), минуту помолчали, глядя на прохожих, а затем, будто по молчаливому уговору, уставились друг на друга.

– Ахия, – с легкой улыбкой на лице сказал Том.

– Действительно.

Я прекрасно понимала, что помешало ему улыбнуться от всей души. Мой собственный восторг также сдерживали недобрые предчувствия. Экспедиция на борту «Василиска» тоже в какой-то мере прошла под патронажем других сторон, а именно – Ширландской Географической Ассоциации и Орнитологического Общества, но это было совсем не то, что пристальный надзор, ожидавший нас впереди.

Я ни за что не создалась бы в этом Тому, с великим трудом добившемуся моего участия в сем предприятии, однако перспектива работы на Вооруженные Силы Его Величества меня не слишком-то радовала. Во время своих заграничных приключений с военными я сталкивалась не раз, но до сего дня никогда не стремилась иметь с ними дело по собственной воле. К тому же я понимала: если нам удастся добиться размножения драконов в неволе, как того хочется Короне, то в результате мы низведем их до положения домашнего скота – животных, вскармливаемых и возвращаемых только затем, чтобы отправиться на убой ради человеческой выгоды.

Однако альтернатива была еще хуже. Если выяснится, что драконов невозможно разводить, на них начнется охота, и в скором времени их дикой популяции придет конец. Выросшая в деревне, я привыкла к тому, что резать овец и кур – дело самое обычное. Теперь мне предстояло внушить себе то же отношение к драконам, как бы ни тяжело было даже помыслить об этом.

Мы вышли на угол Рафтер-стрит, и Том помахал рукой, подзывая кэб-двуколку. К этому времени мне бы хватило средств на содержание собственного выезда, стоило только пожелать, однако я от такого давно отвыкла (впоследствии друзьям и подругам пришлось долго убеждать меня в том, что если миссис Кэмхерст или даже кавалерственная дама Изабелла может вести себя как угодно, то леди Трент ездить в наемных экипажах не подобает). Едва мы уселись и тронулись в путь, Том взглянул мне в глаза и спросил:

– Будете его разыскивать?

Делать вид, будто я не понимаю, о ком идет речь, не было ни малейшего смысла. Примерно так же бессмысленно было бы и изображать беззаботность, однако я постаралась – не столько в надежде обмануть Тома, сколько ради приличия.

– Сомневаюсь, что его удастся отыскать, даже если попробовать, – сказала я, любуясь городскими видами за окном. – Должно быть, имя Сухайл в Ахии носят многие.

Да, речь шла о нем – некогда нашем спутнике на борту «Василиска», том самом, что побывал со мной на проклятом острове Рауаане, вместе со мной угнавшем йеланский целигер и пытавшемся спасти принцессу. Прежде, чем расстаться с ним в Пхетайонге, я дала ему свой фальчестерский адрес, но за три года, минувшие с тех пор, не получила от него ни одного письма. Возможно, он потерял блокнотный листок с моими каракулями, но разыскать меня и без того было бы несложно: среди натуралистов-драконоведов не так уж много дам, и второй Изабеллы Кэмхерст среди оных не значилось.

Слова мои были не только маской, призванной скрыть сожаление, но и реверансом в адрес истины. Сколь бы хорошо я ни знала (или полагала, будто знала) самого Сухайла, я почти ничего не знала о нем – ни имени отца, ни родового имени, ни даже названия его родного города.

Как будто подслушав мои мысли, Том сказал:

– Осмелюсь предположить, что среди археологов Сухайлов намного меньше.

– Да, если допустить, что он еще не оставил археологии, – со вздохом заметила я. – У меня сложилось отчетливое впечатление, что после смерти отца некий долг призвал его домой. Возможно, ради этого долга он был вынужден поступиться собственными интересами.

Несмотря на всю сдержанность тона, слово «вынужден» выдало меня с головой: когда-то я ради родных на время отреклась от своих интересов, и эти «серые годы», как я их назвала, оказались ужаснейшим периодом моей жизни, если не считать времени, проведенного в скорби по мужу, Джейкобу. Зная, сколь страстно Сухайл влюблен в свою работу, я и вообразить не могла, что он откажется от нее без колебаний.

– Можно будет навести справки, – мягко сказал Том. – Какой от этого вред?

Пожалуй, это могло бы смутить Сухайловых родных, но я никогда в жизни их не видела и ничего о них не знала, а потому тревоги за их чувства не испытывала. Однако и давать волю надеждам только затем, чтобы они тут же рухнули, не стоило.

– Наверное, никакого, – согласилась я, и Том был настолько любезен, что позволил мне не продолжать.

* * *

По возвращении домой, на Харт-сквер, времени на меланхолию не осталось. Через полторы недели нам предстоял отъезд, и нужно было спешить. Велев горничной взяться за ревизию моего дорожного гардероба, я прошла в кабинет, дабы решить, какие книги следует взять с собой.

С годами кабинет стал для меня источником душевного спокойствия и радости. Элегантностью кабинетов некоторых джентльменов он не отличался; пожалуй, кое-кто счел бы его «захлавленным». Помимо книг, здесь хранились мои рабочие дневники, карты, наброски и завершенные картины, собранные в экспедициях образцы и множество безделушек, привезенных из путешествий. Поверх стопок бумаг покоились морские раковины, собранные Джейком, одну из книжных полок подпирала копия яйца, вывезенного с Рауаане. (Вырезанный из окаменевшего белка настоящего яйца огневик до сих пор втайне хранился на самом верху платяного шкафа, хотя несколько обломков я за это время оградила и продала.) Высоко на стене, над книжными полками, красовалась неровная вереница гипсовых слепков окаменевших следов доисторического дракона, год назад обнаруженных Конрадом Вигфюссоном на юге Отоле.

На столе – там, где я оставила его с утра – лежал крупный коготь. Присланный неким охотником за окаменелостями из Ишнаца, этот коготь являл собой неразрешимую загадку. Приславший оценивал его возраст в десятки тысяч лет, если не более. Изумительная возможность заглянуть в далекое прошлое драконов... конечно же, если допустить, что коготь действительно принадлежал дракону. Соответствующих ему костей, обычно помогающих в

классификации образцов, охотник за окаменелостями рядом не обнаружил. В этом случае подсказкой могло послужить само отсутствие костей: если владелец когтя принадлежал к «драконам настоящим», естественно, кости его распались, не успев окаменеть. (Да, естественная консервация драконьей кости возможна, но необходимая для этого химическая среда встречается в природе так редко, что кости древних драконов науке почти неизвестны – какое бы множество шарлатанов и жуликов ни уверяло вас в обратном.)

Итак, допустим, это мог быть дракон. Но в таком случае – дракон чудовищной величины, рядом с которым крупнейшие из современных пород казались бы карликами: длина когтя от основания до острия лишь самую малость не достигала тридцати сантиметров. Том высказал предположение, что размер когтя мог не соответствовать величине прочих частей тела дракона, и с точки зрения биологии это вполне возможно, однако каким могло быть назначение столь огромного когтя – остается загадкой по сей день. Охота? Самозащита? Привлечение самок? Догадок много, но фактов – ни одного.

На самой высокой полке в кабинете стоял ящик. Его невзрачная наружность наталкивала на мысль, будто внутри нет ничего интересного, однако под его крышкой, втайне от всех, кроме нас с Томом, хранилось величайшее из моих сокровищ.

Убедившись, что дверь заперта, я сняла ящик с полки и подняла крышку. На дне лежали комья застывшего гипса, скрепленные меж собой проволокой. Возможно, читавшие предыдущий том моих мемуаров помнят: то был гипсовый слепок полостей внутри окаменевшего яйца с Рауане – пустот, некогда занятых телом зародыша.

К несчастью, слепок был слишком хрупок, чтоб рисковать везти его морем в Ахию, и притом в буквальном смысле уникален. Я изучала его сотню раз, зарисовала со всех мыслимых углов и вполне могла взять с собой эти рисунки, но непосредственного наблюдения не заменит ничто, а потому я оглядела его в последний раз, стараясь запомнить каждую мелочь.

Я была уверена, но пока не могла доказать, что он наглядно подтверждает существование некоего неизвестного нам, ныне вымершего вида драконов, действительно прирученного древними драконианами, как говорится в легендах. Благодаря неподатливости большинства драконьих пород, эти легенды считались в лучшем случае сомнительными, однако сей утраченный вид вполне мог оказаться более покладистым. Да что там, я не раз думала: уж не эта ли покладистость и послужила причиной его вымирания? Некоторые породы собак одомашнены нами настолько, что выжить на воле уже не способны. Если дракониане вырастили подобное животное, с исчезновением их цивилизации вполне могло исчезнуть и оно.

Однако все эти рассуждения были всего лишь умозрительными гипотезами. К тому же, если даже внешний вид эмбриона из-за окаменения белка и изъянов слепка вызывал серьезные сомнения, кто мог бы догадаться, как выглядела взрослая особь? В те времена о развитии драконьих эмбрионов было известно до обидного мало.

Оставалось надеяться, что в Ахии, имея достаточно времени и погибших (что неизбежно) детенышей для препарирования, удастся получить удовлетворительный ответ.

В дверь кабинета постучали.

– Минутку! – откликнулась я, убирая слепок в ящик, забираясь на кресло, чтобы вернуть его на полку, подальше от посторонних глаз, и чувствуя за собой нешуточную вину.

В самом деле, мне ли ворчать на армию Его Величества, затыкающую натуралистам рот, в то время, как я сама сижу на бесценных научных данных, словно собака на сене? И если бы только это! В ящике стола, в каком-то метре за моей спиной, лежали под спудом не менее ценные данные!

Проблема со слепком заключалась в том, что мне не хотелось объяснять, откуда он взялся. Сама я очутилась на Рауане непреднамеренно, а вот остальные, едва узнав о рауанских руинах, устремятся туда целенаправленно. Можно сказать, бросятся целыми толпами, как только прослышат, что в кладке окаменелых яиц таится сокровище – множество крупных

неограниченных огневинок. С того самого дня, как слепок был готов, я изо всех сил старалась измыслить правдоподобную историю его происхождения, не искажив правды выдумкой и не раскрывая лишнего, но успеха до сих пор не добились.

Что до бумаги в ящичке стола... в данном случае мои побуждения не отличались и десятой долей того же благородства.

– Войдите! – сказала я, спустившись с кресла и отойдя от упомянутой полки.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла Натали Оскотт. В прошлом моя сожительница и компаньонка, она обзавелась собственным домом вскоре после того, как Джейк пошел в школу.

– Учительница ему больше не нужна, – объяснила она, – а тебе вовсе не мешает лишнее место для книг.

Последнее было лишь вежливым предложением. Когда-то я обещала подготовить ее к жизни независимой и эксцентричной старой девы, и нужного результата достигла, хотя я вряд ли вправе приписывать сию заслугу себе. Натали нашла свое призвание в технике и мало-помалу обзавелась кругом друзей-единомышленников, не оставлявших ее без приличной работы. Правда, в средствах она была довольно ограничена – вне всяких сомнений, оставшись приличным членом высшего общества, она жила бы много богаче, – однако вполне могла самостоятельно оплачивать собственные счета и предпочитала довольствоваться этим. Препятствовать я даже не помышляла, хотя без нее и Джейка в доме порой становилось одиноко.

Войдя, она окинула меня любопытным взглядом.

– Странные вещи творит с тобой жизнь в одиночестве. Чем ты таким занималась, что мне пришлось ждать в коридоре?

– Ты же меня знаешь, – с беззаботной улыбкой ответила я. – Танцевала, напялив на голову панталоны, и не могла принять тебя в таком виде. Присаживайся. Том сообщил тебе новости?

Том с Натали жили не по соседству, но по пути домой он вполне мог завернуть в мастерскую, где Натали и ее друзья возились со своими железками.

– О вашем отъезде на будущей неделе? Да, сообщил. Что собираешься делать с домом?

Я села за стол и положила на сукно подставки для письма чистый лист бумаги.

– Думаю, просто запру. Теперь я могу себе это позволить, да и подыскивать съемщика времени нет. Если хочешь, живи на здоровье. В конце концов, ключи у тебя есть.

– Спасибо, не стоит. Хотя за книгами навещать буду, если ты не против на время собственного отсутствия уступить роль библиотекаря мне.

Мысль была превосходной, и я поблагодарила Натали. Так называемый «Летучий Университет», основанный в моей гостиной, разросся до целого множества собраний во множестве фальчестерских домов, однако моя библиотека все так же служила в сей паутине одним из важнейших узлов. Правда, мои книжные полки не могли удовлетворить всех возникавших запросов, и это натолкнуло меня на новую мысль.

– Вдобавок у меня здесь несколько книг, которые нужно вернуть владельцам. Одну, по моему, Питеру Лансбери, а еще две или три – Джорджине Хант.

– Я их прихвачу, – согласилась Натали. – Тебе и без того забот хватает. Что это ты пишешь? Уж не письмо ли Джейку?

Так оно и было, хотя даты и приветствия дело пока не продвинулось. Ну, как сообщить тринадцатилетнему сыну, что через неделю я уезжаю за границу, вернусь неизвестно когда, а его взять с собой не могу?

Натали знала Джейка не хуже меня.

– Не забудь проверить багаж до того, как корабль выйдет в море, – со смехом сказала она. – Не то, прибыв в Ахию, обнаружишь сына в сундуке среди шляпок.

– Ахия – это пустыня, и, следовательно, не слишком ему интересна.

Однако Джейку все равно захотелось бы ехать со мной. Когда он был еще мал, я оставила его дома, отправившись в Эригу, а когда подрос, искупила вину, взяв его с собой в кругосвет-

ное плавание. Сей поступок заронил ему в голову кое-какие идеи. Любовью всей его жизни стало море, но, если брать шире, в голове у него намертво отпечаталось, что путешествовать в иные страны непременно должен каждый мальчишка, причем – регулярно. Я устроила его в лучшую школу, какую только позволяли положение и средства – в Сантли-колледж, в те времена к наивысшему разряду еще не принадлежавший, – но мальчишка, купавшийся в море среди драконьих черепах, неизбежно должен был там заскучать.

Как ни странно, мысли о сыне тут же потянули за собой мысли о животных – не должны были, но тем не менее. В конце концов, Джейк был сыт, одет, обут, и в моей заботе не нуждался – в отличие от некоторых других живых существ.

– Хочешь взять к себе моих медоежек? Или лучше отдать их Мириам?

Натали скорчила гримасу.

– Как настоящей подруге, мне следовало бы сказать: да, я с радостью присмотрю за ними, но, если честно, я слишком часто засыпаю прямо в мастерской, чтоб брать на себя заботу о каких-либо живых существах. Жаль будет, если ты вернешься и обнаружишь, что твои зверушки мертвы.

– Значит, Мириам.

Конечно, медоежки – не птицы, по коим специализировалась Мириам Фарнсвуд, однако Мириам они нравились. Понимая, что письмо Джейку требует полной сосредоточенности, я отложила перо и хрустнула пальцами.

– О чем я еще могла забыть?

– Приличные платья для пребывания в городе, брюки для выходов в поле. Шляпки. Хотя нет, там ведь придется повязывать голову платком, верно? Что еще... Инструменты для препарирования. Конечно, там тебя должны обеспечить скальпелями, лупами и всем остальным, и у мистера Уикера есть собственный набор, твой подарок, но береженого бог бережет. Я слышала, у ахиатов есть какое-то масло или мазь, защищающая кожу от солнца – возможно, и тебе она не помешает.

Натали подняла взор к небу, изучая потолок, будто в надежде найти там список необходимого.

– С малярией в Ахии как?

– Насколько я знаю, имеется. Но тут придется рискнуть: аманиане выпивку не одобряют.

Конечно, и среди аманиан не все блюдают предписания веры одинаково ревностно, но мне не хотелось с самого начала создавать о себе превратное впечатление, сойдя с корабля с ящиком джина в багаже.

После этого Натали поинтересовалась, где мне предстоит жить, и, выслушав ответ, сказала:

– Палатки? Другое походное снаряжение?

– Лорд Россмер ясно дал понять, что от меня требуется сидеть в Куррате и работать над заданием военных.

Натали иронически прищурилась, и я рассмеялась.

– Да-да, знаю, знаю. Но если научные поиски вдруг, чисто случайно, заведут меня в пустыню, я наверняка смогу найти подходящие палатки у местных торговцев. Вместе с верблюдом, который их повезет.

– Тогда ты вполне готова, – сказала Натали. – Насколько это возможно.

Что означало «не готова и наполовину», но с этим фактом я смирилась давным-давно.

* * *

В Сенсмуте, встретившись с Томом и глядя на судно, что вскоре повезет нас к берегам Ахии, я невольно вспомнила прошлое.

Четырнадцать лет назад мы стояли здесь же, почти на том же самом месте, готовясь отбыть в Выштрану. Но в тот день нас было четверо: мы с Джейкобом, Том и его покровитель, лорд Хилфорд. Джейкоб не вернулся домой живым, а лорд Хилфорд отошел в мир иной прошлой весной, после многолетнего прогрессирующего недуга. Счастье, что лорд успел увидеть своего протеже действительным членом Коллоквиума Натурфилософов, хотя я достичь того же не смогла...

Должно быть, Тому вспомнилось то же самое.

– Не слишком похоже на тот, первый отъезд, – сказал он.

– Да, – согласилась я. – Но я думаю, оба они были бы рады видеть, чего мы достигли.

Резкий, пронизывающий ветер с моря навевал тоску о жаркой пустыне, ждавшей нас впереди. Нелепую тоску, нелогичную: акинис, даже в Ахии, на юге Антиопы, – месяц не самый теплый, однако там, конечно, теплее, чем в Ширландии. Ну, а пока, чтобы спастись от холода, оставалось одно: обратить мысли к будущему – к ахиатским пустынным драконам.

Во многих отношениях они являют собой, так сказать, квинтэссенцию драконов. Именно их образ и возникает перед глазами, когда слышишь слово «дракон». Золотая, как солнце, чешуя, породившая легенды, будто драконы спят на грудях втайне накопленного золота, отчего их шкура со временем покрывается слоем сего драгоценного металла; огненное дыхание, опаляющее, словно жар самой пустыни в разгаре лета... За свою научную карьеру я видела немало различных драконов, включая таких, которых можно было назвать драконами лишь с немалой натяжкой, но пустынного дракона видела вблизи только раз – да-да, того самого карлика-альбиноса в королевском зверинце, много лет назад. Теперь же мне предстояло увидеть их во всем великолепии.

– Спасибо, Том, – сказала я. – Знаю, я это уже говорила, и, видимо, повторю еще не раз, но повторение эти слова как-нибудь да перенесут. Этой возможностью я целиком и полностью обязана вам.

– И вашей собственной работе, – напомнил он, но тут же печально улыбнулся и добавил:

– Не за что. Спасибо вам. Мы ведь добились этого вместе.

В словах его слышалось столько неловкости, что я не стала продолжать. Я просто подняла голову, подставила лицо морскому ветру и устремила взгляд в сторону судна, на котором мы вот-вот должны были отплыть в Ахию.

Глава вторая

Прибытие в Румиш – Встреча в порту – Курительный салон – Вверх по реке, в Куррат – Шимон и Авива

Сама природа снабдила румишскую гавань грандиозными, внушающими благоговейный восторг воротами. По обе стороны узкой полоски воды высятся огромной клешней два скальных мыса. Во времена войны между ними легче легкого было протянуть цепь, дабы преградить вражеским судам вход в гавань. Однако калифы династии Сарканидов сочли, что этого мало, и украсили оба мыса парой монументальных драконианских статуй, вывезенных из так называемого Храма Безмолвия, что в Лабиринте Змеев. Морские ветры не пощадили драконоглавых фигур, и ныне, как ни печально, черты их почти неразличимы, но от того их неколебимая стать выглядит ничуть не менее впечатляюще.

Пока корабль приближался к этим недвижимым стражам, я стояла у леера и рисовала карандашом, то и дело вскидывая взгляд на их громадные силуэты. Сентиментальные чувства к сей древней цивилизации среди моих слабостей не числились, однако после того, как мы открыли разрушенный подземный храм на Рауаане, мой интерес к драконианам день ото дня рос как на дрожжах. Что за породу драконов выводили они на этом острове? С какой целью? Дожили ли их драконы до наших дней, или исчезли в глубине минувших тысячелетий? В тот день, при входе в румишскую гавань, я позволила себе на минуту поддаться сентиментальности: ведь эти изъеденные временем каменные исполины вполне могли видеть ответы на все мои вопросы собственными глазами...

Затем мы миновали ворота и оказались в гавани. Здешний порт оказался не таким оживленным, как в Джайдире, расположенном в устье средней из трех азиатских рек: вход в джайдирскую гавань значительно шире, и посему она куда лучше подходит для крупномасштабной морской торговли. Однако не остается обделенным и Румиш, где можно встретить флаги всех антиопейских стран. Даже в те дни движение сквозь узкие ворота регулировалось местными властями, дабы пролив не оказался закупорен судами настолько, что это могло бы привести к крушению.

На пирсе нас ждали двое в тускло-коричневых мундирах ширландской армии. Один из них носил фуражку и полковничьи погоны. Второго я тут же узнала без всяких знаков различия.

– Эндрю!

Мой восторженный вопль почти потерялся в портовом шуме. Бросив дорожную сумку, я поспешила вперед и повисла на шее брата – единственного из родственников, с кем действительно сохранила добрые, а не всего лишь сносные отношения.

– Я думала, ты все там же, в Койяхуаке!

– Я там и был, до недавнего времени, – ответил брат, со смехом кружа меня в воздухе. – Но прошел слух, что ты можешь приехать сюда, и я попросил перевода. Только заранее предупредить не хотел: вдруг дело не выгорело бы.

– Другими словами, не мог упустить шанса застать меня врасплох, – укоризненно сказала я.

Далекая от раскаяния ухмылка брата подсказывала, что слова мои угодили точно в яблочко, но тут нас прервал строгий оклик.

– Капитан Эндмор!

Ворота в румишскую гавань

При звуках собственного имени Эндрю вытянулся в струнку и одернул китель, бормоча извинения в адрес полковника Пенсита. Мой укоризненный взгляд не шел ни в какое сравнение с укоризной в глазах полковника. Нетрудно было догадаться, какой разговор предшествовал нашей встрече на пирсе: Эндрю (из всех сил стараясь сохранять приличествующее офицеру достоинство) спрашивает полковника позволить ему встретиться с нами, и Пенсит дает согласие – при условии, что Эндрю будет вести себя надлежащим образом. В молодости брат несколько лет валял дурака в университете, но затем решил, что армейская служба подойдет ему лучше, однако это «лучше» все-таки не означало «идеально». Я ссудила его средствами на приобретение лейтенантского патента (высшее звание, какое я могла приобрести, не продавая слишком большой партии огневиков за раз), а после того, как его командир был убит, он получил повышение, но вряд ли сумел бы когда-нибудь подняться выше, так как не воспринимал военную службу с должной серьезностью, как бы хотелось его начальству.

Тут Пенсита отвлек Том.

– Насколько я понимаю, вы здесь, чтоб отвезти нас в Куррат? – спросил он, подавая полковнику руку.

– Да, мы наняли речную барку, – ответил Пенсит. – Однако выгрузка вашего багажа с корабля и погрузка его на барку займет целый день, и посему мы с капитаном Эндмором сняли номера в отеле. Так что у вас есть шанс привести себя в порядок с дороги, а затем можете присоединиться ко мне в курительной.

Последнее явно было адресовано Тому и только Тому, но не мне. Дамам курить не подбало (хотя, конечно, некоторые курили и в те времена, а ныне курительниц среди дам стало гораздо больше), и, таким образом, курительные салоны являли собой исключительно мужскую территорию. И не захочешь, а призадуматься: намеренно ли Пенсит пытается исключить меня из разговора, или это просто бездумный рефлекс?

В любом случае, указав на это, я выглядела бы склочницей – особенно после того, как Эндрю с ухмылкой ткнул меня локтем в бок:

– А у нас с тобой будет шанс потрепаться, а?

– В самом деле, – согласилась я.

Раздраженная репликой Пенсита, я все же не могла отрицать, что мне не терпится побыть с братом. Отношения с прочими близкими родственниками были уже не так скверны, как раньше: почетное рыцарское звание хотя бы в какой-то мере сузило брешь между мной и матерью, но я, со своей стороны, поддерживала связь с ней скорее ради семейной гармонии, чем по велению сердца. С отцом мы, напротив, ладили неплохо, однако я до сих пор не избавилась от его образа, сложившегося в детстве – образа мелкого языческого божка, коего следует задабривать жертвами, но невозможно полностью понять. Эндрю же оставался единственным родственником, к кому я испытывала искреннюю привязанность – кроме, разумеется, сына.

Отойдя в сторону, Эндрю прикрикнул на кучку туземцев – портовых грузчиков, взявших на себя труд перетащить наш багаж с корабля на барку. Те неохотно поднялись на ноги и принялись за дело. Затем мы отправились в отель, располагавшийся на вершине чрезвычайно крутого холма, открытой любым прохладным ветеркам, на какие только могла расцедриться пустыня.

Как и во многих отелях Южной Антиопы, женские номера – ради удобства постоялиц – были отделены от мужских. Поэтому, поднявшись посмотреть свою комнату, Эндрю я оставила во дворе. К моему возвращению он успел заказать чай, причем такого сорта, которого я прежде не пробовала. Горячий чай оказался весьма кстати: день выдался хоть и солнечным, но много холоднее, чем я ожидала.

– А знаешь, – заговорил Эндрю с таким видом, который мог означать только одно: сейчас он скажет нечто чрезвычайно прямолинейное, – никак не пойму, отчего все думают, будто ты состоишь в отношениях с этим парнем, Уикером. Ведь с первого взгляда ясно: это полная чушь.

– Даже не знаю, благодарить тебя, или как, – с сухой иронией сказала я, опуская чашку на блюдце.

– Да ладно, ты прекрасно понимаешь, о чем я. С тем же успехом он мог бы быть евнухом. Здесь, кстати, есть настоящие евнухи, знаешь? Большею частью в правительстве. Клянусь: половина министров, с которыми мне довелось встречаться, без бубенцов ходит!

Да уж, армейская служба явно повлияла на манеры братца не самым чудесным образом.

– А со многими ли из правительства тебе приходится вести дела?

– Вести дела? Мне? Нет, какие там дела! Дела с ними ведет генерал, лорд Фердиган, и его штаб в Сармизи, ну и Пенсит иногда. Начальство то есть. А я – так, бумаги за ними таскаю.

Судя по тону, Эндрю был рад оставаться позади, и в этом я его вполне понимала. Меня тоже вряд ли собирались приглашать на встречи с местными министрами, поскольку ни ахиаты, ни мои соотечественники отнюдь не жаждали моего участия в делах дипломатических, и в целом я была этому только рада... однако в глубине души нередко возмущалась этакой дискриминацией – точнее, ее причиной.

Тут мне пришло в голову, что брат непременно присутствовал на множестве совещаний, касающихся и меня. Вопрос только – слушал ли он, о чем там говорилось...

– Что мне не помешает узнать, прежде чем с головой окунуться в работу?

Эндрю задумчиво склонил голову набок, снял фуражку и принялся обмахиваться ею, будто веером (вполне возможно, тем самым нарушая этикет, принятый среди военнослужащих). На мой взгляд, день был отнюдь не жарким, однако брат по дороге наверх, в отель, заметно взмок.

– Все вне себя. Никто не ждал, что дело так затянется: ведь наша передовая наука должна была решить задачу на раз-два; плевать, что люди пытаются разводить пустынных драконов с незапамятных времен – и без малейшего успеха, – он прекратил обмахиваться фуражкой и склонился вперед, опершись локтем о колено. – Если честно – нет, я и не думаю на тебя давить или еще что-то в этом духе, но – даже не знаю, долго ли протянет этот альянс. Нас с ахиатами вынуждает к сотрудничеству только одно – все эти дела с йеланскими целигерами. Если в скором времени какого-либо прогресса не наметится, союз может развалиться.

Все это меня ничуть не удивляло, однако новости были тревожными. Несомненно, в случае неудачи виноватыми окажемся мы с Томом, если останемся у руля, когда делу придет конец. Откровенно говоря, в этот момент я с ужасом подумала, что именно для этого нас, возможно, и выбрали – ведь на роль козлов отпущения мы подходим гораздо лучше, чем лорд Тавенор.

Что ж, если таков был их план, я исполнилась решимости его расстроить. Для этого прежде всего требовалась информация. Да, в Куррате нас ждали рабочие дневники предшественника, однако я предпочла бы вооружиться как можно лучше еще до прибытия.

– Ты не мог бы рассказать, чем занимался лорд Тавенор? Хоть что-нибудь, любые подробности?

Эндрю покачал головой, и тут я вспомнила, что в Ахию он прибыл совсем недавно.

– Так, может, ты хотя бы встречался с этим шейхом? С тем, который должен обеспечить нам драконов?

Брат просиял.

– Да! Правда, всего один раз, но Пенсит загодя устроил мне инструктаж. Как я понимаю, очень важный тип. Именно аритаты несколько поколений назад помогли нынешней династии калифов прийти к власти, а он у них сейчас главный.

– Зачем он участвует в этой программе? Ради политической выгоды?

– Нет... или, по крайней мере, не совсем. Земли его племени находятся в Джефи, и, видимо, там драконы встречаются чаще всего, – с ухмылкой объяснил Эндрю. – Он посылает кочевых родственников изловить пару-другую, а они волокут их к тебе, в Куррат.

Услышав это, я невольно воодушевилась. Возможно, вы сочтете меня сумасшедшей: ведь Джефи – самая южная часть Ахии, суровая, неласковая пустынная долина между двумя горными хребтами – Кедемами и Фараймами. Дождей там выпадает губительно мало, и местные кочевые племена пасут и поят верблюдов в разрозненных оазисах. Счесть подобные места привлекательными не могло бы даже столь теплолюбивое существо, как я.

Однако читатели ничуть не удивятся, узнав, что интерес мой вызван ничем иным, как обилием драконов. Джефи недалеко от Куррата, что вполне понятно – кому же захочется везти пойманных драконов дальше, чем нужно. А я решила до отъезда из Ахии обязательно понаблюдать за пустынными драконами в их естественной среде обитания, и теперь знала, куда ехать и к кому с этим обратиться.

Очевидно, догадавшись, о чем я думаю, Эндрю широко улыбнулся, но в следующий же момент сделался предельно серьезен.

– Изабелла, без позволения шейха я бы туда отправляться даже не пытался. Во-первых, ты можешь погибнуть. А если не погибнешь, аритаты убьют. Они не жалуют чужих в своих землях.

Не говоря уж о том, что подобное своеволие бросит тень на Ширландию... одним словом, самовольная поездка в пустыню ничьей любви мне не принесет.

– Я понимаю, – ответила я, в мыслях молясь о том, чтобы нам удалось установить с шейхом самые добрые отношения.

* * *

Барка, на коей мы отправились вверх по реке, в Куррат, шла небыстро, но я о том ничуть не сожалела: напротив, у меня появилась возможность как следует изучить берега.

Зафрит, самая южная из трех основных водных артерий Ахии, берет начало в Кедемских горах, отделяющих страну от Сегайе и Агдада. От реки, будто ветви от дерева, тянутся во все стороны хитросплетения оросительных каналов; в зимнее время года они сухи, но с приходом весны крестьяне разрушат земляные перемычки, отделяющие их от речного русла, и жизне-творная вода потечет на ячменные, просяные, пшеничные поля.

Вдоль берегов реки пустыня оказалась много зеленее, чем я себе представляла. Повсюду росли высокие травы, камыши, пальмовые деревья и прочие растения, которых мне не удалось опознать. Имелась здесь в изобилии и фауна – от рыб и лисиц до птиц в небесах. Но время от времени там, где земля поднималась выше уровня аллювиальной поймы, я видела, как зелень истощается, переходит в иссохшие почвы почти такого же тускло-коричневого цвета, как и мундир брата.

По-своему эти земли были смертоносны в той же мере, что и Зеленый Ад. Но если джунгли Мулина пытаются погубить путника весьма энергично, всеми доступными средствами, от хищников до паразитов включительно, пустыни Ахии чаще всего убивают одним лишь равнодушием. Шакалы могут ускорить конец их жертвы и попировать на трупе, но до охоты на подобную добычу снисходят крайне редко. За них все делает жара и жажда: чаще всего в пустыне гибнут попросту от жажды и голода.

Однако в данный момент (а с точки зрения нанимателей-военных – и вообще) направляться туда мне было ни к чему. Конечно, в пустыне я впоследствии побывала, и не раз, но первым делом обратила внимание на населенные земли в пойме реки и властвующий над ними город.

Подобно многим старым городам, Куррат отличается бессистемной и запутанной застройкой. В отличие от ахиатской столицы, Сармизи, сколь-нибудь крупномасштабной планировки здесь не наблюдается: здесь не нашлось своего калифа Ульсутира, чтобы снести полгорода и перестроить его в более величественном стиле. Здесь нет ни Круглого Города в центре,

ни разумно устроенной сети авеню, отделяющих одни сословия от других. Как и центральные части Фальчестера, этот город застроен без всякого порядка, и люди живут так, как распорядились случай и обстоятельства.

Однако это не помешало Куррату достичь определенной пышности, особенно поразительной из-за случайности расселения сословий. Правит городом эмир, что в переводе означает «повелитель», один из трех эмиров, служащих калифу. Его дворец стоит над рекой, на вершине невысокого холма, в окружении садов, спускающихся к кромке воды, будто огромная зеленая юбка. Разнообразные площади украшены стелами и статуями, вывезенными из драконианских руин, а сии реликвии прошлого перемежаются аманианскими молитвенными двориками, легко узнаваемыми по высоким остроконечным шпильям и затейливой мозаичной мостовой.

Район, где предстояло поселиться нам с Томом, оказался далеко не столь великолепен. Так называемый Квартал Сегулистов, одна из древнейших частей города, подобно многим старым районам, давным-давно был оставлен высшим обществом и отдан на откуп людям иных сословий. В данном случае, как можно понять из названия, почти все жители Квартала исповедуют сегулизм, хотя ими одними сегулистское население города не ограничивается. Ради вежливого упрощения можно сказать, что большинство их – байтисты, самую малость разбавленные магистрианами. Если же выражаться точнее, Квартал населен последователями целой сотни сегулистских учений, включая граничащие с ересью, а то и откровенно еретические. К примеру, там по сей день существует небольшой анклав эшитов, стремящихся разрушить Храм, дабы затем перестроить его в более чистом, по их понятиям, виде. Не стоило бы и говорить, что из-за сей цели они весьма непопулярны в Аггаде, однако в Куррате им жить разрешено, пока они повинуются законам калифа (и платят калифу подати).

Как и сказал лорд Россмер, Тома поселили в Мужском Доме, который содержится некоторыми из жителей Квартала специально для путешественников и новоприбывших иммигрантов. Правда, это означало жить в одной комнате с тремя другими мужчинами, но он не рассчитывал проводить там много времени днем: в часы, свободные от сна, он, вероятнее всего, будет работать на территории казарм, что послужат нам рабочей базой.

Путешественницы и иммигрантки появляются здесь куда менее часто, и потому для меня ничего наподобие Женского Дома не нашлось. Меня поселили в местной байтистской семье, у Шимона бен Надава и его жены Авивы.

Шимон был купцом и торговал тонким полотном из Аггада (давняя взаимная неприязнь двух этих народов торговле не препятствовала). Оба они достигли преклонных лет, первая жена Шимона умерла, дети их давно выросли, обзавелись собственными домами и семьями, но двое неженатых сыновей помогали отцу в торговых делах, вводя караваны через Кедемы. Шимон с Авивой встретили меня во дворе своего дома с тазом воды, чтобы ополоснуть с дороги лицо и руки, а затем подали кофе и финики, дабы утолить мой голод.

– Большое вам спасибо за гостеприимство, – ничуть не кривя душой, сказала я.

В прежних экспедициях мне доводилось жить в самых разных условиях – от чиаворского отеля до корабельной каюты и шалаша из веток посреди болот включительно. С этим домом из них мог бы сравниться разве что чиаворский отель, и то в нем я надолго не задержалась.

– Мы вам очень рады, – ответила Авива по-ахиатски. То был один из двух известных ей языков: ширландского ни она, ни ее муж не знали, а я, будучи магистрианкой, почти не владела лашоном (наши богослужения проводятся на родном языке).

Невзирая на разделявшую нас преграду в виде скудости моих познаний в ахиатском и, может быть, еще одну, куда более серьезную – разницу в вере, Авива без колебаний приступила к исполнению обязанностей гостеприимной хозяйки. Оставив Эндрю во дворе, за разговором с Шимоном, я последовала за ней в дом. Дом их был устроен на южный манер: гости мужского пола на женскую половину не допускались, а выходящие на улицу окна женских комнат были

забраны частыми ажурными решетками, позволявшими дамам любоваться внешним миром, оставаясь невидимыми для посторонних взглядов. Однако я рассчитывала проводить здесь немногим больше времени, чем Том – в Мужском Доме, и, боюсь, отнеслась ко всему, что показывала мне Авива, без должного интереса.

Все мои мысли были заняты следующим днем: на завтра полковник Пенсит с братом должны были наконец-то отвести нас туда, где нам предстояло работать.

Глава третья

Дар аль-Таннанин – Знакомство с шейхом – Дневники лорда Тавенора – Метод выведения детьмишей из яиц и его результаты – О содержании драконов – Нелегкая задача

Место нашего назначения находилось за пределами города, невдалеке от Квартала Сегулистов. То была резиденция богатого министра, служившего курратскому эмиру лет девяносто назад, а после того, как министр впал в немилость, перешедшая в собственность эмира. Однако поместье вдали от свежего речного бриза эмира не заинтересовало и за многие годы успело сильно обветшать. По приказанию калифа нынешний эмир передал его в пользование представительства Ширландии, для разведения драконов.

Полуразрушенное состояние поместья было нам только на руку: сие обстоятельство избавляло нас от забот о его сохранности – надо сказать, забот немалых, когда речь идет о содержании драконов. Отремонтированные должным образом и приведенные в пристойный вид постройки служили кабинетами либо казармами для небольшого гарнизона под началом полковника Пенсита, а остальные были отведены под научную работу. В скором времени нам с Томом предстояло оценить их сохранность... но для начала нам предстояло встретиться с шейхом, который должен был наблюдать за нашей работой.

Хаджи Хусам ибн Рамиз ибн Халис аль-Аритати оказался не совсем таков, каким я его себе представляла. Услышав, что он – шейх племени, живущего в пустыне Джефи, я тут же вообразила себе престарелого кочевника из тех, что порой встречаются в романтических сказаниях антиопейского юга: белый головной платок, пропыленные длинные одеяния, лицо, выдубленное беспощадным солнцем и ветром, как обувная кожа... Вместо этого я увидела перед собой человека лет сорока, ничем с виду не отличавшегося от ахиата-горожанина – ни одеждой (тюрбан, богато вышитый долгополый халат), ни ухоженностью (кожа нежна и мягка, аромат духов). Да, мои ожидания основывались на расхожих стереотипах, которые чаще всего имеют мало общего с действительностью, но я поняла это только гораздо позже.

Он встретил нас в парадном дворе поместья, в окружении ширландских и ахиатских солдат. Тому он пожал руку, я ему руки не подала, заменив сей приветственный жест почтительным реверансом. (Поскольку сию поездку вряд ли можно было назвать выходом в поле, на мне были не брюки, в коих я привыкла работать, а юбки. Откровенно говоря, в Ахии я много ходила в юбках, а иногда и в длинных одеяниях на местный манер, хотя и брюки надевала, если нам предстояла работа, требующая значительного напряжения сил.)

По-ширландски шейх изъяснялся с заметным акцентом, заставившим меня заподозрить, что язык он начал изучать недавно – скорее всего, после того, как наши государства заключили меж собой соглашение. Однако я владела ахиатским куда как хуже и посему была очень рада его предупредительности.

– Мир вам, – сказал он. – Добро пожаловать в Дар аль-Таннанин, Дом Драконов.

– Мы очень рады наконец-то оказаться здесь, хаджи, – ответила я. Насколько я знала, сей титул был не просто данью этикету: шейх совершил паломничество в священный город Дарриб и вполне заслужил данный знак уважения. – Нам не терпится взяться за дело.

Говорить было непривычно, поскольку мне пришлось прикрыть лицо уголком платка, наподобие вуали. Как мне сказали, то было знаком почтения к человеку его положения. Однако платок заглушал слова настолько, что я постоянно сомневалась, достаточно ли громко говорю, и эти сомнения так и остались сомнениями: шейх, ничего не ответив, отвернулся и повел нас во внутренний двор.

Один из его слуг подал традиционное ахиатское угощение – кофе и финики. Мне, правда, не предложили: Ахия – одна из тех стран, где мужчинам и женщинам не полагается публично

принимать пищу вместе. Однако я была только рада: сама я всегда предпочитала кофе (особенно сваренному по-ахиатски) чай, не говоря уж о том, что управляться с импровизированной вуалью было бы трудновато, а опустить платок я пока не рискнула бы, опасаясь, как бы хозяин не счел это оскорблением.

Выждав сколько необходимо, дабы не проявить неучливой поспешности, шейх заговорил:

– Если я или мое племя можем быть чем-либо полезны, вам нужно только сообщить об этом мне. Все, что мы имеем – ваше, все – ради блага наших народов.

Конечно, этого не следовало понимать буквально. Да, щедрость в Ахии ценят весьма высоко, но одна лишь ритуальная фраза, произнесенная хозяином, как того требует обычай, вовсе не означает, что он жаждет поделиться с гостями всем своим богатством и имуществом, даже если таков приказ калифа. Но мы с Томом и не намеревались выпрашивать больше, чем было необходимо.

– Вначале, – сказала я, – мы проведем ревизию того, что имеется, и ознакомимся с работой, проделанной нашим предшественником. Без этого понять, что еще может потребоваться, не представляется возможным. Однако мы весьма высоко ценим вашу любезность.

Шейх щелкнул пальцами. Некий юноша из его свиты со всех ног метнулся к нему и замер рядом.

– Насиф ибн Исмаил отведет вас осмотреть драконов, – сказал шейх.

Говори он не по-ширландски, а по-ахиатски, я поняла бы, что он имеет в виду под этим «вас». Но в нашем языке вежливое местоимение второго лица может указывать и на единственное, и на множественное число, а на пол того, кому адресовано высказывание, не указывает вовсе. Оставалось одно: полагаться на язык тела – разворот плеч, наклон головы и прочие признаки, каковые ясно и недвусмысленно указывали на то, что не только последняя фраза шейха, но и вообще все им сказанное предназначалось для одного Тома, а не для нас обоих.

Точно таким же пренебрежением встретил меня полковник Пенсит в Румише, а сколько раз я терпела подобные унижения прежде – и не сосчитать. И терпимость моя к подобным вещам таяла год от года.

– О, ве-ли-ко-лепно! – воскликнула я, а уж Том с Эндрю знали меня достаточно хорошо, чтоб не принять мой жизнерадостный тон за чистую монету. – Я буду очень рада увидеть драконов: в конце концов, именно ради них я и проделала столь дальний путь.

Будучи глух к нюансам человеческого общения, Пенсит не занял бы столь ответственной должности.

– Кавалерственная дама Изабелла, – поспешно сказал он, – возможно, вы предпочтете начать с бумаг лорда Тавенора? Лейтенант Мартон вас проводит и все покажет. А вы заодно сможете укрыться от солнцепека.

И не будете путаться под ногами... Мне захотелось возразить, поскольку Пенсит, очевидно, полагал, что самое лучшее для меня – работа секретарши. С другой стороны, мне очень не хотелось устраивать скандал в первый же день на новом месте, да и резон в его предложении имелся: скорейшее ознакомление с рабочими дневниками предшественника могло принести намного больше пользы, чем осмотр самих драконов. Последнее покажет только текущее положение дел, первое же позволит разобраться, что происходило здесь до сих пор.

Но, несмотря на все это, уступать было сущей мукой. Уж очень хотелось взглянуть на драконов и не хотелось терпеть дискриминацию. Только умоляющий и в то же время сочувственный взгляд Тома и смог меня остановить. Что ж, хорошо. Соглашусь, а чего я на самом деле стою – докажу со временем.

Лейтенант, назначенный мне в помощь, проводил меня сквозь арочные ворота и запыленный дворик в относительно исправное здание.

– Рабочий кабинет лорда Тавенора здесь, – сообщил он, указывая на дверь, ведущую в просторную комнату.

Заглянув внутрь, я увидела стол и множество разномастных полок (все – девственно пустые). Плитка на полу была усеяна трещинами, в узорчатых решетках окон там и сям зияли бреши.

– А папки с архивами – там, дальше по коридору. Принести их вам, мисс... э-э... мэ... э-э... миледи?

– «Кавалерственная дама Изабелла» вполне подойдет, – сказала я, опуская вуаль. Конечно, лейтенант Мартон такого обращения не заслуживал, но в тот момент мне было просто необходимо держаться формальностей: если уж люди не проявляют ко мне уважения по собственной воле, буду принуждать их к сему по мере возможности.

Лейтенант вытянулся в струнку, и, кажется, едва не отсалютовал. Неужели я держусь настолько внушительно? Самой мне так не казалось, однако ж...

– Слушаюсь, кавалерственная дама Изабелла! С чем вы желаете ознакомиться в первую очередь?

За отсутствием информации я даже не подозревала, что на это ответить.

– А каковы возможные варианты?

– Архив разбит на три основных раздела, – пояснил лейтенант. – Все о проекте размножения драконов в неволе, все о проекте выведения их из яиц и счетные книги.

Счетные книги – это, конечно же, ни к чему... однако две прочие категории можно было трактовать сколь угодно широко. Предположительно, усилия лорда Тавенора были сосредоточены главным образом на размножении и выращивании драконов в неволе, но все авторитетные драконоведы сходились на том, что успех сего предприятия (при условии, что он вообще достижим) наиболее вероятен, если драконы выведены из яиц и, следовательно, привычны к контактам с человеком. Посему, что ни выбери, я – в зависимости от аккуратности, с коей лорд Тавенор вел дневники – вполне могла оказаться лицом к лицу с целыми горами бумаг.

Что ж, чтение его дневников никак не могло занять больше времени, чем он писал их, так отчего бы не начать с самого начала?

– Имеется ли в разделе о выведении драконов из яиц что-либо наподобие дневника? – спросила я, рассудив, что о втором проекте Том, без сомнения, что-либо да выяснит во время экскурсии к драконам.

Мартон кивнул.

– Вот его-то мне и принесите, – решила я. – Все тома, сколько бы их ни было.

Томов оказалось не так устрашающе много, как можно было ожидать. В конце концов, развитие любого наугад взятого яйца – довольно долгий промежуток времени, в течение коего со стороны не наблюдается ровным счетом ничего. Посему я быстро пролистывала аккуратные ежедневные пометки «без перемен», сделанные рукой лорда Тавенора, останавливаясь только на записях о более примечательных событиях.

Но даже при сем обстоятельстве я не успела покончить с дневниками до того, как в кабинет вошел Эндрю с огромным подносом.

– Шейх накрыл нам изрядный стол, – с опаской сказал он, – но здесь мужчины и женщины друг при друге не едят – по крайней мере, так мне сказали. Ну, я на правах члена семьи и вызвался отнести тебе твою долю.

С подобной практикой мне уже довелось столкнуться во время нашего «кеонгского сидения», однако там со мной была Эбби Кэрю и сын, по младости лет к кругу мужчин не причисленный. Более того: благодаря своему необычайно удобному, так сказать, двойственному гендерному статусу я могла садиться за стол хоть с женщинами, хоть с мужчинами – с кем только пожелаю. Здесь же все обстояло иначе: как единственной в Доме Драконов даме, мне предстояло каждый день принимать пищу в одиночестве, если только рядом не окажется Эндрю.

– На сегодня сойдет и так, – сказала я. – Шейх ведь не станет приезжать сюда каждый день, верно? Я думаю, да. Пусть ахиаты держатся своих обычаев, а я впредь не намерена отде-

ляться от ширландских коллег. Любая возможность обсудить ход работы слишком ценна, чтоб упускать ее.

По крайней мере, в еде меня никто не ограничивал. Я убедила лейтенанта Мартона присоединиться к нам, но справиться с угощением не удалось даже объединенными усилиями.

– Этого от вас и не ожидают, кавалерственная дама Изабелла, – пояснил лейтенант. – Это просто знак гостеприимства. Что останется – пойдет слугам. Обычно, когда все не настолько формально, мы просто посылаем за едой на базар.

После еды я уделила несколько минут составлению списка необходимого. Не хватало, нужно заметить, буквально всего: лорд Тавенор не оставил после себя даже подставки для письма. Конечно, я захватила в Ахию настольный письменный прибор, но предпочла бы держать его в доме, чтобы при надобности работать по вечерам. Покончив со списком, я вновь с головой погрузилась в изучение рабочих дневников, чем и занималась до самого появления Тома.

Судя по вежливому покашливанию, предназначавшемуся явно для того, чтоб обратить на себя мое внимание, какое-то время он простоял в дверях незамеченным.

– Ох! – воскликнула я, заложив очередной дневник карандашом и закрывая его. – Мне так неловко... боже милостивый, неужели уже так поздно?

В кабинете заметно стемнело, но я, увлеченная работой, и не замечала этого – только все сильнее и сильнее наклоняла страницы в сторону окна.

– Пришлось продираться сквозь уйму формальностей, – с чувством сказал Том, – но время потрачено не совсем уж впустую. Я так понимаю, предыдущая, проходная комната предназначена для секретаря?

– Да, для лейтенанта Мартона, если мы не заменим его кем-либо другим. Он спрашивал, не потребуется ли нам второй кабинет где-нибудь в другой части здания. Для меня, конечно же, хотя вслух он этого не говорил, – сообщила я, потирая переносицу и гадая, не означает ли начинающаяся головная боль, что мне пора обзавестись очками. – Я... э-э... возможно, мне следовало ответить, что он может понадобится вам? Понимаете, люди привыкли приходить сюда, и мне не хотелось бы, чтоб меня отодвинули в какой-нибудь пыльный закуток, с глаз долой.

– Совершенно верно, – сказал Том, войдя и присев на край стола (кроме кресла, занятого мной, сесть было некуда). – Этого кабинета хватит для нас обоих: ведь ни я, ни вы не станем загромаждать его слоновьими бивнями и эриганскими масками. Начнем с того, что поделим его на двоих, а станет тесно – я перееду куда-нибудь.

Я взглянула на него с безмолвной благодарностью. Стремление положить конец снисходительности Мартона толкнуло меня к разглашению того факта, что мое положение в свете выше положения Тома, чего я обычно старалась всячески избегать. Кроме этого, действительным членом Коллоквиума был он, а не я, следовательно, и главный кабинет по праву должен был занять он.

– Что вам удалось выяснить? – спросил Том, указав на заваленные горами книг полки за моей спиной.

– Многое, – ответила я, – и все это либо обескураживает, либо просто злит. Если бы не платок, половину волос я бы себе уже повыврала.

Тут я должна ненадолго прервать повествование: прежде чем продолжать, мне следует принести извинения. Сохранить личность нашего предшественника в тайне никак невозможно: кто занимал эту должность до нас – факт общеизвестный, и имя его помнят многие. Боюсь, сказанное мной далее будет граничить с пасквилем, однако и изложить своей повести без явной критики в адрес работы лорда Тавенора я не могу. Остается лишь надеяться смягчить ее, упомянув о том, что я весьма уважаю этого человека, чей труд – при всех недостатках одного – послужил прочным фундаментом, на коем зиждутся наши с Томом достижения. Даже

не знаю, чего бы нам удалось добиться, если бы не он. Как бы там ни было, приношу ему самые искренние извинения.

Том молча ждал.

– Яйца, – заговорила я, открыв блокнот и отыскав нужные страницы, – доставляют в Куррат аритаты, народ шейха. Но системы в этом нет никакой: они попросту отыскивают кладку и забирают яйца, невзирая на стадию их развития. Выходит, лорд Тавенор получал все, что угодно, от только что отложенных яиц до тех, из коих вот-вот выведутся детеныши.

Согласно записям, однажды детеныш появился на свет из яйца прямо в пути, чем немало напугал кочевников.

Услышав все это, Том страдальчески поморщился.

– М-да, это объясняет плачевное состояние одного из детенышей, которых мне показали. Здоровьем он, мягко говоря, не блещет.

– Скорее всего, это объясняет плачевное состояние многих особей, хотя их нездоровье, возможно, не столь очевидно.

В те дни наши познания о развитии драконов были еще крайне скудны, однако всякий, обладающий хотя бы зачатками осведомленности о предмете, знал, что драконьи яйца требуют весьма осторожного обращения. Во время доставки из пустыни в Дар аль-Таннанин многие спонтанно прекратили развитие, из остальных же часто рождались неполноценные особи. При этом прослеживалась явная зависимость: чем раньше яйца изымались из кладки, тем меньше оставалось надежд на полноценное потомство.

Будь дело только в том, чтоб получить новорожденных детенышей, мы могли бы попросить аритатов как-либо пометать найденные кладки и возвращаться за яйцами незадолго до того, как детеныши будут готовы покинуть скорлупу. Однако текущей задачи это, конечно же, не решило бы: сумев побудить драконов к размножению в неволе, мы тут же столкнемся с проблемой выведения из их яиц здорового потомства в искусственных условиях.

Если лежавший передо мной дневник на что и годился, то только в качестве подставки подо что-либо более полезное. Я подняла его, но лишь с тем, чтоб тут же презрительно отшвырнуть в сторону.

– Он ни единого раза не выезжал в поле. О да, Тавенор прилежно собирал данные и сделал все возможное для воссоздания здесь естественных условий, но все его данные – либо из вторых рук, либо догадки. О необходимых для инкубации условиях он не узнал практически ничего. Того, что имеется, далеко не достаточно.

Таков был стиль работы джентльмена-ученого, некогда распространенный весьма широко. В некоторых кругах он сохранялся и до сих пор, хотя сия практика – или, точнее, уважение к оной – доживала последние дни. Когда-то наши предшественники во всех областях науки вместо эмпирических данных довольствовались обработкой разрозненных наблюдений, сделанных неспециалистами, и ни на чем не основанных утверждений древних писателей. Как же обидно было сознавать, сколько столетий даже величайшие умы своего времени без малейших тому доказательств верили, будто паук не может пересечь дорожку из соли – и это только одно из множества самых вопиющих заблуждений! Точные науки отринули этот стиль работы первыми, однако в науках естественных, наподобие естественной истории или этнографии, он продержался дольше и в те времена еще не был окончательно изжит.

Лорд Тавенор держался традиции, гласившей, что джентльмену не пристало пачкать рук, собирая данные лично. Его сведения были получены от путешественников, от шелухим, от купцов, торгующих в разных местностях. В данном случае он полагался на свидетельства аритатов – несомненно, внимательных наблюдателей и лучших знатоков собственной среды обитания, однако проводить точные измерения, необходимые для научной работы, им самим даже в голову не пришло бы, а лорд Тавенор, похоже, об этом и не просил.

– Вижу, вам хочется выехать в поле, – сказал Том. – Что ж, можно попробовать, как мы и планировали с самого начала, но у меня такое впечатление, что шейху это придется не по вкусу. Вполне возможно, лорд Тавенор испрашивал его позволения и получил отказ.

– Если и так, здесь он об этом ничего не пишет, – проворчала я, но тут же смягчилась. – Однако, может быть, вы и правы. Эти дневники полностью посвящены яйцам, но не переговорах, которые он о них вел.

Том взял со стола дневник, полистал его (позабывшись, чтоб мой карандаш остался на своем месте) и отложил в сторону.

– Во всяком случае, прежде чем о чем-то просить, нужно полностью ознакомиться с рабочей базой.

На практике это, скорее всего, означало, что послать к шейху с просьбой следует Тома, хотя сия перспектива уязвляла меня до глубины души.

– А что со взрослыми драконами? – спросила я, чтобы отвлечься от обид.

– Думаю, все то же самое, – со вздохом ответил Том. – Естественно, ни у шейха, ни у Пенсита достаточно подробного описания брачных игр драконов нет. Однако... сказать по чести, я очень сомневаюсь, что лорду Тавенору удалось бы воссоздать необходимые для размножения драконов условия, даже зная их от и до.

Да, этого не удалось бы и нам, невзирая на всю научность нашей методики. У драконов, способных к полету, немаловажной деталью брачных игр является воздушный танец; позволив же им взлететь, мы мигом лишились бы всех изловленных особей.

– Так что же он тогда пробовал? – спросила я, так как до дневников, касавшихся размножения драконов в неволе, еще не добралась.

Избавлю читателей от подробного пересказа всего того, что поведал мне Том: лица заинтересованные могут найти все подробности в «Драконах Ахии», где нашей работе в Дар аль-Таннанине посвящена целая глава. Здесь же довольно будет сказать, что лорд Тавенор был превосходным коннозаводчиком (одна из причин, в силу коих он и получил назначение в Ахию) и в поисках способа свести вместе пару пустынных драконов так, чтоб животные не пострадали сами и не ранили друг друга либо зрителей, применил к решению проблемы все свои познания и всю свою изобретательность. Он разработал великое множество разнообразных случных шлеек, а в какой-то момент даже прибег к способу, каковой я, не вдаваясь в детали, назову просто: «при посредстве человека».

– Шейх уже уехал? – спросила я, дослушав рассказ Тома.

Том кивнул, и я поднялась на ноги – с такой поспешностью, что едва не опрокинула кресло, зацепившееся ножкой за трещину в плиточном полу.

– Тогда мне ничто не мешает взглянуть на драконов собственными глазами.

Том тоже встал, но без малейшего энтузиазма.

– Изабелла... – тут он запнулся и нервно забарабанил пальцами по столу. – Я кое о чем не упомянул. Много лет назад вы видели тех драконов, что содержались в королевском зверинце. То были карлики, с которыми совладать несложно. Здесь же большая часть молодняка неполноценна, но далеко не все, и уж тем более – не взрослые особи, изловленные на развод. Лорду Тавенору пришлось искать способ удержания их в неволе. И он... он вас сильно расстроит.

Я замерла, крепко прижав ладони к бедрам.

– Что вы хотите сказать?

– Он пробовал цепи и намордники, – неохотно сказал Том, – но они оставляли потертости на шкуре, потертости загноились, и это стоило ему трех экземпляров. Затем два человека погибли, снимая с дракона намордник перед кормежкой – умерли от ожогов. Пришлось ему перейти к другим методам.

– Том... – сглотнув, я почувствовала, что в горле совсем пересохло. – Задержки не делают дурные новости приятнее.

– Сухожилия супракоракоидальных мускулов, – пояснил Том. – Он их подрезал, чтобы драконы не смогли улететь. А еще, испытав метод на одном из трупов, выжиг раскаленным ножом органы, порождающие их экстраординарное дуновение.

Запустив руку за спину, я нащупала подлокотник кресла и только после этого, с великой осторожностью, рискнула сесть.

– Если вам не хочется наблюдать их лично, – предложил Том, – я возьму это на себя.

– Нет.

Это слово слетело с языка само по себе, рефлекторно, естественно, неудержимо, словно дыхание.

– Нет, я на них взгляну.

Слова сии были продиктованы отнюдь не профессиональными амбициями. Да, без мыслей о том, отказавшись от какой-либо части работы и взвалив ее на Тома, я только укреплю те самые суждения, против которых мы оба боремся изо всех сил, дело не обошлось. Но я настаивала на своем не поэтому.

Я отказалась от всяких поблажек, так как была слишком равнодушна к драконам, чтоб отворачиваться от их страданий.

Обычно мужчины порицают женщин, в особенности женщин-ученых, за избыток сентиментальности. Рассуждения их таковы: мы, женщины, слишком глубоко, слишком остро чувствуем, и эти чувства, будучи ненаучными, вредят подобающей ученому беспристрастности. Таким образом, согласно логике сего силлогизма, женщины для научной работы не годятся. На это я в разные годы дала ряд ответов, порой простых и коротких, порой более пространных и затейливо выстроенных, однако данная книга – воспоминания (то есть по определению нечто личное), и потому я скажу коротко: все это – полный вздор.

Да, при одной мысли о том, что проделано с драконами, мне сделалось дурно. Ведь я действительно к ним равнодушна и в сих воспоминаниях данного факта не скрываю, хотя на протяжении своей научной карьеры изо всех сил старалась его не афишировать, дабы завоевать доверие в кругу коллег. Понимала я и практическую необходимость, лежавшую в основе действий лорда Тавенора: держать в неволе здоровых взрослых драконов, не приняв хоть каких-то мер к ограничению их возможностей, попросту неразумно. Однако я отнюдь не считаю, что признание данной необходимости подразумевает отречение от всех человеческих чувств касательно наших методов и их последствий. Более того: с наукой, не заботящейся о подобных вопросах, мне не хотелось бы иметь ничего общего.

Таким образом, смотреть пойманных драконов я отправилась с великой тяжестью на сердце (сейчас я уже не стесняюсь в этом признаться). Увиденное нимало не утешило меня.

Драконов держали в больших открытых ямах за оградой, пристроенной к старой стене поместья. Дно ям находилось на такой глубине, что выпрыгнуть наружу драконы не могли, а сами ямы слегка расширялись книзу, чтобы животные не смогли вскарабкаться вверх. Каждая из ям была снабжена небольшим отнорком – пещеркой, где драконы могли по мере надобности укрываться от солнца, изнутри облицованной камнем для имитации естественных каменных укрытий, в коих драконы нередко устраивают жилье, и приятно прохладной в сравнении с раскаленным на солнце песком.

Однако драконов все это не радовало. Они, хоть и являются животными, отнюдь не лишены чувств, и это ясно было видно по их позам и поведению. Драконы наши выглядели вяло, глаза их потускнели, неухоженную чешую покрывала пыль. Искалеченные крылья волочились по песку; на кончике левого крыла одной из самок виднелась повязка, оберегавшая потертое место от новых повреждений.

Короче говоря, они оказались ничуть не похожи на сказочных драконов, великолепных золотых змеев, парящих в небе над своими пустынными владениями. Настолько, что сердце защемило в груди.

– Неудивительно, что они не желают размножаться, – сказала я Тому. – Как известно, чем сильнее лошадь расстроена, тем меньше она склонна к спариванию. Думаю, то же самое верно и для драконов.

– Значит, мы должны найти способ улучшить их расположение духа, – откликнулся он. – Хотя каким образом... понятия не имею.

На тот момент наши «конюшни» состояли из самца и двух самок: третья самка за время, прошедшее от отъезда лорда Тавенора до нашего прибытия, зачала. Проявив недюжинную образованность, но воображения – не более чем у меня в возрасте семи лет, лорд Тавенор дал им имена по порядку номеров: одну из самок звали Прямой, самца – Квартусом, а вторую самку – Квинтой. (Секундус и Терция некоторое время назад пали, вместе с Секстой, Септимусом и Октой.) Я обошла по кругу все три занятых ямы и спустилась в четвертую, дабы осмотреть ее изнутри. Внутри яма не слишком напоминала привычный для драконов ландшафт, но вообразите себе реакцию полковника Пенсита с шейхом, если бы я попросила их разбить на рабочей базе пустынный парк гигантской величины!

Том наблюдал за моими изысканиями сверху, опершись на барьер.

– Возможно, тут подошла бы огромная клетка, – сказала я, подняв голову. – Вернее, две клетки, одна внутри другой. Измерив предельную досягаемость струи пламени, получим ширину зазора между решетками, необходимую, чтобы никто не пострадал. И еще нужно сделать клетку высокой – на манер каркаса Невидимого Дома на Всемирной Выставке. Конечно, сорок метров – для дракона не высота, но хотя бы немного полетать они смогут.

Улыбку Тома нетрудно было разглядеть даже со дна ямы.

– И какую-нибудь тележку на рельсах для подачи корма, – подхватил он. – Вот только чистить такую клетку, боюсь, будет затруднительно: придется прокрадываться внутрь, пока драконы спят.

Если бы мы смогли добиться от драконов стабильного размножения, Корона выстроила бы им по нашим указаниям хоть сотню клеток, и сколь угодно роскошных. Однако животные сии не пойдут нам навстречу, если мы не сумеем улучшить условия их содержания... Замкнутый круг! Однако пренебрегать любыми идеями, пусть даже самыми фантастическими, не стоило, поскольку они вполне могли натолкнуть нас на более реалистичные решения.

Взобравшись наверх, я остановилась передохнуть. Сухой ветер гладил щеки, точно шелк. Я чувствовала себя совершенно опустошенной.

Том положил мне руку на плечо (не наедине подобные ободряющие жесты он позволял себе крайне редко).

– Ничего, Изабелла. Мы найдем способ.

Я согласно кивнула:

– А если не выйдет, то уж никак не из-за недостатка стараний!

Глава четвертая

Бутуз – Медоужки и применение оным – В поисках эвкалиптов – Непонятная враждебность – Гонец из пустыни – Сложенный лист бумаги

Я положила себе за правило навещать драконов каждый день, включая и молодняк, содержащийся в небольших вольерах. Последний насчитывал одиннадцать экземпляров, начиная с детеныша едва шести месяцев от роду и заканчивая тем, коему вскорости предстояло войти в пору драконьего отрочества.

Содержать молодняк было много проще, чем взрослых особей: у пустынных драконов экстраординарное дуновение развивается только по достижении физической зрелости. Им лорд Тавенор в именах отказал вовсе, ограничившись номерами – подозреваю, из соображений, что дело того не стоит, учитывая, сколь многие детеныши рождались на свет нездоровыми и вскоре гибли. Кроме этого, кто-либо мог бы рассудить, что давать им имена неразумно, ибо имена порождают привязанность, а привязанность порождает печаль, когда жизнь животного подходит к концу. Однако была зима, новых партий яиц мы не получали, а звать молодняк по номерам мне не нравилось, и потому я присвоила всем детенышам настоящие, полноценные имена.

Немалую симпатию внушал мне старший, коего я прозвала Эсклином, в честь легендарного ширландского разбойника: вопреки всем надеждам лорда Тавенора на то, что, живя в неволе с самого рождения, дракон привыкнет к контактам с людьми, созданием он рос вздорным, неуживчивым, не слишком-то склонным привыкать к кому бы то ни было. Скорее всего, сие обстоятельство должно было обречь Эсклина на скорый конец – если он не угомонится с возрастом, его, вероятнее всего, пустят под нож ради драконьей кости, – однако пока что он походил на здорового дикого дракона более всех остальных. Крыльев ему, опасаясь, что это раньше времени сведет животное в могилу, еще не подрезали, но и летать не позволяли.

Но особую привязанность я испытывала к самому младшему из молодняка. Возможно, сентиментальность моих слов заставит вас удивленно поднять брови – и не без причины, однако мои отношения с этим созданием были куда больше похожи на общение хозяйки с собакой или кошкой, чем на обращение ученого с объектом исследования.

Привязанность зародилась, когда я, обходя вольеры молодняка, сказала Тому:

– Должно быть, это тот самый неуклюжий... э-э... бутуз, о котором вы упоминали?

Так он и получил свою кличку – Бутуз. Его яйцо было доставлено в Дом Драконов вскоре после того, как было отложено, и вылупившийся из яйца детеныш оказался очевидно аномальным. Взвесив детеныша, лорд Тавенор подтвердил собственные подозрения: тот был слишком тяжел для своей величины, а данное обстоятельство означало, что его кости, не обладая типичной для драконьих костей пористостью, представляют собой сплошную однородную массу.

Бутуза я полюбила всем сердцем с самого начала. Из дневников лорда Тавенора мне было известно, что наш предшественник планировал его усыпить: бесполезный для наших научных изысканий, детеныш представлял собой только лишнюю статью расходов. Однако соответствующего распоряжения лорд Тавенор перед отбытием так и не отдал, и посему Бутуз остался в живых – ковылять по своему вольеру да время от времени хлопать куцыми крылышками, которым никогда в жизни не удержать его в воздухе.

Усыпить его у меня просто рука бы не поднялась, и я созналась в этом Тому.

– Если хотите, могу обосновать это с научной точки зрения, – предложила я за обедом в нашем общем кабинете. – Не сомневаюсь: обоснование выйдет великолепным, дайте только минутку на подготовку. Что-нибудь этакое, об изучении развития путем наблюдения как за удачными, так и за неудачными экземплярами. Если аномальность развития имела место уже

в момент рождения, мы можем даже продвинуться ближе к решению проблемы размножения в неволе: в конце концов, слишком тяжелый для полета дракон не нуждается в подрезке сухожилий.

– Однако истинная причина вовсе не в этом, – заметил Том.

– Конечно, не в этом. По-моему, бедное животное не заслуживает смерти только потому, что кто-то напортачил в уходе за яйцом.

Тут я хотела сказать кое-что еще, но призадумалась, подбирая куском лепешки сдобренную специями простоквашу со дна тарелки.

Том истолковал мои колебания совершенно верно.

– И теперь гадаете, что за жизнь его ждет?

Я не сдержала вздоха.

– Он никогда не поднимется в воздух. И, видя, как чахнут взрослые... хотя они, конечно, знали, что такое полет, прежде чем утратили способность летать. Возможно, он не будет скучать в той же мере. Однако со здоровьем у него неважно, и вполне вероятно, что с возрастом положение ухудшится. Стоит ли обрекать его на жизнь без полета, усугубленную страданиями, из одного лишь ложного сострадания? Не милосерднее ли усыпить его без боли?

Буруз

Том лишь беспомощно пожал плечами.

– Как нам судить? Мы ведь не можем знать, что обо всем этом думает он сам.

– В случае лошади или кошки судить можно, – заметила я. – Или хотя бы догадываться.

Но это оттого, что признаки их настроений нам известны. У отца была собака, ковылявшая по дому так, будто уже тремя лапами в могиле, однако... лежит она у его ног, время от времени постукивая хвостом по голени, и сразу видно: она все так же рада его обществу.

Я не раз думала, но так и не спросила отца, что же случилось с этой собакой в итоге. Безусловно, она умерла, но как? Естественной смертью, или однажды, когда виляние хвостом

прекратилось, отец усыпил ее из жалости? Не будь я взрослой женщиной тридцати трех лет от роду – возможно, написала бы ему, прося совета.

– Вот вам, наверное, и ответ, – сказал Том. – Изучим их получше, а уж потом и будем принимать необратимые решения.

Так Бутуз остался жить. Нет, ручным он не стал, и я не выпускала его из вольера бегать за мной по пятам (из опасений лишиться пятки), но регулярно навещала, приносила ему отборные кусочки мяса, делала для поправки его здоровья все, что могла. После того, как дальнейшие события на долгое время увлекли меня прочь из Куррата, мне сообщили, что Бутуз впал в нешуточное уныние – уж насколько мы в то время могли об этом судить. Жизнь его оказалась не такой долгой, на какую мог бы надеяться обычный представитель его вида: пустынный дракон, сумевший прожить три года (в течение коих многие молодые особи гибнут от зубов прочих хищников), вполне может дотянуть лет до сорока, а некоторые, по слухам, живут и много дольше. Бутуз дожил всего лишь до семи. Увеличение в размерах усугубляло его физические затруднения день ото дня, однако в ином случае жизнь его могла бы оказаться значительно короче; я же, хоть и не умею читать мысли драконов, ничуть не сомневаюсь, что отпущенному ему времени он был очень и очень рад.

* * *

Наблюдения за Бутузом навели меня на размышления о продолжительности жизни и сроках полового созревания – это вопросы исключительной важности для разведения любых животных. Продолжение жизни Бутуза действительно принесло науке ощутимую выгоду: именно он подал мне идею, в конечном счете приведшую к результатам просто-таки революционным.

Проблема заключалась в следующем: пустынные драконы спариваются всего раз в году, ближе к концу влажного сезона, и каждая самка откладывает около десятка яиц. Ее потомство достигает половой зрелости примерно через пять лет, но, как правило, до семилетнего возраста собственного потомства не производит. Даже если бы мы с Томом добились успеха в момент прибытия и изловили для наших нужд всех драконов, какие только нашлись бы в пустыне, хоть сколь-нибудь регулярного приплода пришлось бы дожидаться многие годы. Конечно, ожидать от нас немедленного успеха не приходилось – это было всем понятно и допустимо, однако каждый неудачный сезон означал – ни много ни мало – еще один год задержки.

Одним словом, тут были необходимы эксперименты с животными, размножающимися гораздо быстрее.

Идея пришла мне в голову во время очередного утреннего обхода вольеров и ям. Переводчиком нам служил лейтенант Мартон: мы с Томом изучали ахиатский, однако то, что можно почерпнуть из учебника, заметно отличалось от разговоров на улицах Куррата, а нам требовалось фиксировать все, что местные работники могли сказать о здоровье и поведении драконов. Чтобы внести какие-либо полезные изменения, следовало досконально разобраться в сложившемся положении.

Но я, конечно же, не могла удержаться от построения теорий и гипотетических сценариев. Все это привело к мыслям о тех разновидностях драконов, что куда менее привередливы к условиям размножения. Тут-то идея и родилась.

– Медоежки! – в восторге едва не уронив блокнот в одну из ям, воскликнула я.

– Что? – не понял Том.

– Мои медоежки! Мириам Фарнсвуд может прислать их сюда!

Том сдвинул брови. Нос его уже шелушился, обожженный палящим ахиатским солнцем: пустынная зима в этом отношении сравнительно мягка, однако его ниддийские корни просто не подходили для данных широт.

– Возможно, но зачем?

– Затем, что они, – победно пояснила я, – будут размножаться так же, как все живое!

И не просто размножаться. Самки медоежек откладывают лишь по одному яйцу за раз, но за этим следит медоежка-самец. Он повторяет брачные игры, пока не сочтет, что яиц отложено достаточно. Убирая яйца, когда он отвернется, можно заставить его повторять спаривание снова и снова, намного чаще, чем в естественных условиях. Таким образом, располагая всего лишь парой медоежек, мы смогли бы обеспечить себя более-менее постоянным запасом яиц (сей факт я некогда обнаружила, забрав одну кладку для изучения).

До сих пор особой пользы данное открытие мне не приносило: в качестве домашних животных медоежки не настолько хороши, чтоб раздавать потомство всем своим друзьям и знакомым, будто котят. Но мою пару подарил мне сам Бенедетто Пассалья, великий исследователь и путешественник, описавший повадки медоежек на воле во всех мыслимых подробностях. Эксперименты с условиями инкубации их яиц могли преподать нам немаловажные уроки в части инкубации яиц драконов.

– От точного соответствия все это будет довольно далеко, – заметил Том, выслушав мои объяснения (боюсь, не отличавшиеся внятностью по причине великого множества неполных фраз, в коих явно недоставало жизненно важных фрагментов информации). – Медоежки – не из тех животных, кого я бы мог счесть близкими родственниками пустынных драконов.

Медоежки пустынным драконам и вовсе не родственники – разве что в самом широком таксономическом смысле. Как, безусловно, известно читателям, интересующимся драконоведением, они обитают в эвкалиптовых лесах Лютъярро, прямо в противоположной Ахии точке планеты.

– Однако данные мы получим, – сказала я. – Намного больше, чем имеем сейчас.

– Что верно, то верно. Давайте поговорим с полковником Пенситом и посмотрим, согласится ли он организовать доставку.

* * *

Просьба доставить нам медоежек была далеко не самым странным из наших запросов, и Пенсит удовлетворил ее без возражений. Однако, планируя их содержание, мы столкнулись с кое-каким затруднением.

– В определенное время года они питаются насекомыми, – объяснила я Эндрю, сопровождавшему меня из дома Шимона и Авивы в Дар аль-Таннанин, – но основная их пища – эвкалиптовый нектар. Несколько эвкалиптов есть у меня дома, в теплице. Как ты думаешь, возможно ли выкопать один и переправить сюда? Или при перевозке он погибнет?

Брат рассмеялся. По моему мнению, сопровождать меня не было никакой нужды, но эти прогулки по оживленному городу до поместья за его стенами, а на закате – обратно, доставляли мне немалое удовольствие. Из всех родных Эндрю всегда был мне ближе всех остальных – как по возрасту, так и по складу характера, однако не виделись мы давно: он поступил на армейскую службу вскоре после того, как я отправилась вокруг света на «Василиске», и с тех пор воинские обязанности постоянно удерживали его вдали от дома. Теперь же я могла болтать с ним каждое утро и каждый вечер, на самые разные темы – от обязанностей перед родными до мест, где нам довелось побывать.

– Ты меня спрашиваешь? – откликнулся он.

Тон его ясно давал понять, сколь бесплодным окажется сие направление следствия.

Ответить мне не удалось: нам предстоял выход за городские ворота. В городе было немало ворот, сквозь которые свободно могла проехать пароконная повозка, но находились они совсем не по пути. Посему я покидала Куррат и возвращалась домой сквозь старые Верблюжьи Ворота, названные так оттого, что в них едва мог протиснуться вьючный верблюд. К тому времени,

как нам удалось протолкаться наружу (азиатские правила приличия воспрещают физические контакты между женщинами и мужчинами, не состоящими в родстве, но в подобных местах запрет отступает перед лицом неизбежности), Эндрю перестал улыбаться и призадумался.

– На самом-то деле здесь много садов и парков, и в некоторых полно разной экзотики. Естественно, в тех, что принадлежат богачам. Мартон должен знать лучше: он у нас завзятый садовод. Может, и эвкалипты у кого-нибудь найдутся.

Это было бы много лучше, чем перевозить в Куррат одно из моих деревьев или выращивать новые из саженцев.

– Спасибо, – сказала я, и мы поспешили вперед, в Дом Драконов.

Мартон не знал, где в городе можно найти эвкалипты, но обещал навести справки. Несколько дней спустя он явился к нам кабинет, когда мы с Томом оба были на месте, в необычайном возбуждении.

– Все проще, чем я думал! – сообщил он. – Один из азиатских коллег говорит, что похожие деревья, кажется, имеются в саду шейха. То есть хаджи Хусам ибн Рамиза.

Это и в самом деле было удачей – скорее всего.

– Я напишу ему и спрошу, можем ли мы зайти и взглянуть, – сказал Том, потянувшись за пером и бумагой. – Вам лучше знать, подойдут ли они вашим медоежкам.

Письмо он отправил с нарочным, и следующим же утром ответ ожидал нас в кабинете. Еще не закончив чтения, Том сдвинул брови.

– Что там? – спросила я.

– Пишет, что я могу прийти завтра, – сделав ударение на третьем слове, ответил Том.

Только Том? Не мы оба?

– Но вы ведь писали о нас обоих, не так ли?

– Конечно, об обоих, – отвечал Том с явным индийским акцентом (верный знак, что он не на шутку зол). – Но его ответ предельно ясен. Нет, вот так прямо: «Изабеллу оставьте дома», – он не пишет... но имеет в виду именно это.

Я не знала, что и думать. Мной не однажды пренебрегали по причине женского пола, но с такой откровенностью, да при условии, что дело настолько серьезно – пожалуй, еще никогда. Об ошибке или недопонимании речи здесь быть не могло, учитывая, как со мной обошлись по приезде.

Лейтенант Мартон, доставивший письмо, торчал в дверях.

– Этот шейх... не замечен ли в дурном отношении к женщинам? – спросила я, повернувшись к нему.

– Нет, кавалерственная дама Изабелла, – живо, с некоторой опаской ответил он. – По моему, у него две жены.

От замечания, что человек может иметь сколько угодно жен и все же обходиться с ними крайне нелюбезно, я воздержалась.

– Так, может, ему не нравятся исключительно ширландки? – спросила я. – Или сегулистки? Или женщины-ученые? Или женщины, любящие носить синюю одежду?

Каждый из этих вопросов звучал резче прежнего. Пришлось умолкнуть и сделать медленный глубокий вдох. После этого я заговорила спокойнее.

– Том, тогда, пожалуй, поезжайте один.

Том выпрямился и расправил плечи едва ли не на военный манер.

– Нет, Изабелла. Поедем вместе. Корона наняла нас обоих – возможно, под давлением и без особой радости, – однако обоих. И я не оставлю вас здесь, будто вы – всего лишь моя ассистентка, годящаяся только на то, чтоб содержать в порядке бумаги да заваривать чай.

Именно ради этих обязанностей меня согласились взять в ту, первую экспедицию, в горы Выштраны... При этой мысли сердце болезненно сжалось, отозвалось особой, едва ли не сладкой болью. Подумать только, сколь далеко ушли мы вперед с той поры! И не только я, проде-

лавшая путь от столь тривиального начала к текущему своему положению. В былые времена мы с Томом шипели друг на друга, будто уличные коты, и это соперничество переросло в незыблемый союз! Тогда, многие годы назад, я ни за что не смогла бы предсказать подобного исхода... однако рада ему так, что словами не выразить.

– Благодарю вас, – с чувством сказала я, но тут же встряхнулась и расправила плечи. – Так, вы говорите, завтра? Что ж, давайте не будем тратить впустую сегодняшний день.

* * *

Шейх просил нас – вернее, Тома – прибыть к вечеру, то есть ближе к концу нашего обычного рабочего дня. С утра я прихватила из дому перемену одежды и наскоро вымылась при помощи таза с водою и тряпки, прежде чем переодеться. Конечно, от пыли по пути к шейху не уберечься: пыль в местном климате – неизбежное зло... но позаботиться о юбках, не забрызганных кровью Бутузова завтрака, мне было вполне по силам.

Хаджи Хусам ибн Рамиз ибн Халис аль-Аритати жил у реки, в просторном роскошном дворце, главные здания коего располагались на небольшой возвышенности, ничем не заслоненные от приятных прохладных ветров. Слуга, ждавший в парадном дворе, повел нас к арке, ведущей во внутренний двор. Уже в этот момент мне сделалось ясно, что планы хозяина пошли вкривь и вкось: его человек явно готовился препроводить Тома в некие иные, исключительно мужские пределы... но вести туда женщину было бы против приличий. (Читатели-ширландцы могут представить себе это место чем-либо наподобие курительного салона, читателям же из других стран, целиком полагаясь на их смекалку, предоставлю возможность подыскать подходящую замену самим.) Во внутреннем дворе нас усадили в плетеные кресла и, не подав даже кофе с финиками, оставили ждать.

Через пару минут я негромко сказала Тому:

– По-моему, он сомневается, стоит ли вообще к нам выходить.

– Пусть лучше не сомневается, – отвечал Том. – Иначе последую примеру Пенсита и, если шейх откажется от сотрудничества, такой скандал подниму...

Скандалить только ради возможности заниматься делом мне бы совсем не хотелось. Дабы отвлечься от неприятных мыслей, я принялась разглядывать двор. Дворцов калифа близ Сармизи я еще не видела, и посему сочла это место апофеозом азиатской изысканности, но даже в сравнении с ними здесь было весьма и весьма красиво. Стены украшены затейливой лепниной, некоторые – ярко раскрашены, с жардиньерок вдоль галереи наверху свисает пышная зелень... Фонтан в центре двора венчала никейская статуя – возможно, копия, но, может быть, и настоящая древняя реликвия удивительной сохранности. Учитывая богатство и высоту положения шейха, я бы поставила на второе.

Между тем терпение Тома подходило к концу. По-моему, он был готов вновь заговорить, или даже подняться и уйти, но тут из арки слева от нас появился шейх.

Видеть нас – точнее, подозреваю, меня – он был явно не рад и даже не старался скрыть этого.

– Приводить с собой нежеланных гостей – в обычаях вашей страны? – спросил он Тома, пренебрегая обычными приветствиями.

Это с его стороны было потрясающим нарушением законов гостеприимства. Согласно местным традициям, нежеланных гостей просто не существует: азиатский кочевник может умирать от голода посреди пустыни, однако с гостем обязан поделиться последними крохами. В то время я не понимала, сколь возмутительно его поведение, но тем не менее была сражена наповал – в переносном, конечно же, смысле.

Но Том воспринял сей демарш куда спокойнее и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Прошу прощения, хаджи, но мы к вам по делу, и наш долг перед Короной – прежде всего. Я просил об аудиенции и для себя, и для кавалерственной дамы Изабеллы, так как в работе мы – равноправные партнеры. И даже будь это не так, идея, которую мы стремимся воплотить в жизнь, целиком принадлежит ей. Она знает, что для этого необходимо, гораздо лучше, чем я. Придя один, я только впустую потратил бы и ваше, и свое время.

По всему судя, шейху хотелось сказать, что мы и так тратим его время впустую. Меня так и подмывало пустить по ветру всю деликатность и без обиняков спросить, чем вызвано недовольство в мой адрес: час от часу становилось яснее, что его неприязнь выходит далеко за рамки обычных предубеждений, с которыми мне доводилось сталкиваться прежде. Но, как бы я ни кипела изнутри, нельзя было забывать о том, что я представляю здесь Корону Ширландии, и что любой мой поступок может бросить тень не только на мою собственную персону, но и на всю нашу страну. Посему я прикусила язык – в буквальном смысле, хотя и только на миг – и сказала:

– Прошу прощения, хаджи. Давайте покончим с делом как можно быстрее и безболезненнее.

Вероятно, мысли шейха шли схожим путем. В конце концов, он был официальным представителем правительства Ахии, и любой его поступок также мог бросить тень на весь его народ. Без всякого изящества плюхнувшись в одно из плетеных кресел, он жестом пригласил присаживаться и нас.

– Так в чем же дело?

По счастью, времени на подготовку ответа я не пожалела и теперь в самой лапидарной манере объяснила ему потенциальную ценность медоежек как объекта сравнительного исследования и необходимость кормить их эвкалиптовым нектаром для укрепления здоровья.

– Нам сообщили, что эвкалипты можно найти в ваших садах, – сказала я. – Если мне будет позволено осмотреть деревья, я смогу оценить, способны ли они прокормить племенную пару. Если да, мы организуем доставку моих медоежек сюда и тем расширим исследования.

Выслушивая мои объяснения, шейх неотрывно глядел на скульптуру, венчавшую фонтан. Судя по выражению его лица, зрелище не доставляло ему особого удовольствия, но было предпочтительнее альтернативы. Стоило мне замолчать, он раскрыл было рот для ответа, однако появление нового посетителя оборвало его на полуслове.

За объяснениями я слышала, как он появился: из парадного двора донесся стук наподобие цокота лошадиных копыт по булыжной мостовой, за коим последовал короткий обмен репликами, слишком тихими, чтоб мне удалось разобрать хоть слово. Но я даже не думала, что всадник войдет к нам, пока шейх не метнул взгляда в сторону арки, сквозь которую во двор проводили нас с Томом, а за спиной моей не раздался звучный голос.

– Брат, у меня дурные вести, – сказал новоприбывший по-ахиатски.

Если Хусам ибн Рамиз обманул мои ожидания, оказавшись ничуть не похожим на пустынного кочевника, то этот человек оправдал их целиком. На нем был длинный балахон из вылинявшего льна, поношенные сапоги верблюжьей кожи, а поверх всего этого – темный плащ. За спиной его развевался на ходу перевязанный веревкой головной платок, а угол платка даже прикрывал рот и нос новоприбывшего от пыли. Подняв руку, он откинул с лица сию импровизированную вуаль, но я узнала его еще до этого.

Только инстинкт и помешал мне прошептать: «Сухайл?»

Судя по резкости шага, он был явно не в духе, однако изумление при виде того, что шейх не один, пересилило дурное настроение.

– Прошу прощения. Я не думал, что ты не один, – сказал он, остановившись сразу же за порогом.

В знак почтения к шейху я прикрывала лицо платком, а теперь и голову повернула так, чтоб было не разглядеть даже глаз. Сердце забилося втрое быстрее обычного. Шестерни в

голове завертелись, зажужжали, сцепились зубец к зубцу с точностью часового механизма. Спрашивать, отчего шейх настолько не рад меня видеть, больше было ни к чему. Прекрасно помня все, что претерпела от собственных родных – точнее, от тех из них, кто не одобрял моих поступков и образа жизни, я в полной мере понимала: мое поведение в течение следующих нескольких минут – и не только мое, но и поведение Сухайла – оставит неизгладимый отпечаток на всем, что последует далее.

– Ты, – казалось, тон шейха способен обратить воду в лед, – должен быть в пустыне.

– Знаю, – ответил Сухайл. – Но бану сафр... Погоди-ка, – он перешел на ширландский. – Уикер, вы ли это?

Том неуклюже поднялся с кресла.

– Именно так. Но я... не ожидал увидеть вас здесь.

Я едва не расхохоталась. Мне думалось, что отыскать Сухайла будет не легче, чем песчинку в пустыне: ведь он мог жить в любом уголке Ахии, а то и вовсе уехать за границу, но вместо этого оказался братом того самого человека, с кем долг велел нам сотрудничать!

– Я тоже, – с вполне понятным изумлением в голосе ответил Сухайл. – Что привело вас в Ахию?

Глазеть на плитку, коей был вымощен двор, до бесконечности я не могла, невзирая на всю красоту затейливой мозаики. Я подняла голову, устремила взгляд в точку чуть правее Сухайла и учтиво кивнула ему.

– Мир вам, сэр.

Сухайл уставился на меня. Лицо мое было наполовину прикрыто платком, но он, конечно же, узнал мой голос, как я – его. Да и кто еще из ширландок мог бы оказаться здесь в компании Тома Уикера?

Лицо его приняло совершенно непроницаемый вид. Казалось, он не узнает меня. Вздохнув, он слегка кивнул мне, но руку к сердцу, против обыкновения, не поднял.

– И вам мир, – ответил он и вновь обратился к Тому: – Позвольте-ка угадать... Вы – преемник лорда Тавенора?

Возможно, Том не заметил единственного числа, а может, просто предпочел оставить сие без внимания – судить не берусь. Знаю одно: в кои-то веки мне от души захотелось, чтоб он не защищал мое положение слишком уж энергично.

– Да. Точнее, не я, а мы с Изабеллой. Мы и не знали, что вы в этом тоже участвуете.

– А я и не участвую, – беспечно пояснил Сухайл. – Мой долг – быть там, в пустыне.

Вновь перейдя на ахиатский, он обратился к шейху:

– Однако... прошу простить мое вторжение. Брат, когда у тебя выдастся минутка, нам нужно поговорить.

Разговор с нами не вызвал в нем ни малейшего интереса – это было видно невооруженным глазом. Том неловко откашлялся и сказал:

– Мы прибыли только с тем, чтобы взглянуть на эвкалипты в саду. Хаджи, если угодно, все, что необходимо, нам мог бы показать и слуга, и мы бы более не отвлекали вас от дел.

Похоже, шейха это устраивало как нельзя лучше: он кликнул слугу еще до того, как Том закончил фразу. Сухайл, не дожидаясь, пока нас передадут провожатому, скрылся в одной из арок. Я же, приняв скромный, кроткий вид и от души надеясь, что выгладит сие убедительно, смиренно ждала провожатого, но мысленно вновь и вновь повторяла: «Сухайл ибн Рамиз ибн Халис аль-Аритати...»

Три года назад, при первом знакомстве с Сухайлом, все это не сказало бы мне ни о чем. Познаний моих не хватило бы даже на то, чтоб перечислить хотя бы тессинскую высшую знать, не говоря уж об ахиатской. Выходит, он – младший брат шейха, потомок племени, помогшего правящей династии калифов взойти на трон? О, тогда нетрудно было вообразить, как гневался его брат, услышав сплетни о нашем поведении во время совместных путешествий по свету!

Интересно, знал ли кто-либо с ширландской стороны о том, что мой попутчик-археолог – брат шейха? Или хаджи Хусаму удалось сохранить сию родственную связь в тайне от них? По-видимому, последнее, иначе кто-нибудь непременно швырнул бы этот факт Тому в лицо, когда он настаивал на том, чтобы Корона отдала должность нам обоим.

Идя по саду, я не замечала ничего вокруг, хотя теперь, по прошествии времени, могу сказать: сад был великолепен. Одно лишь чувство долга заставило меня сосредоточиться на эвкалиптах, когда они оказались прямо перед носом – роскошные растения, способные прокормить минимум дюжину медоежек, не то что мою парочку.

– Да, вполне подойдут, – сказала я. – Давайте вернемся к работе. Не стоит отвлекать шейха более необходимого.

Том держал рот на замке, пока мы не покинули дворца, и только после этого сказал:

– Как-то это... на удивление холодно.

– Так было нужно, – сказала я, остановившись и прислонившись плечом к стене лавки (проталкиваться сквозь толпы людей, когда в голове царит такая кутерьма, было просто невозможно). – «Должен быть в пустыне», еще бы. Том, я полагаю, шейх предпринял кое-какие шаги, дабы я случайно не наткнулась на Сухайла и наоборот. И теперь все его старания пошли прахом.

– Думаете, Сухайл просто притворялся?

От этого вопроса похолодело в животе. Насчет намерений шейха я даже не сомневалась: все это как нельзя лучше объясняло и его неприязнь ко мне, и отказ принимать меня во дворце, пока нужда не заставит. Но что, если все его страхи беспочвенны? Что, если его брату мой приезд в Ахию безразличен?

Поверить в это я не могла. Даже если бы из памяти Сухайла начисто выветрились все теплые воспоминания о нашей дружбе, он не держался бы со мной так холодно. Наоборот, сам факт сей холодности свидетельствовал: он ничего не забыл. Следовательно, все его действия имели одну лишь цель: убедить брата, что ничего неуместного наша встреча за собой не повлечет.

– Он даже о Джейке не спросил, – заметила я. За время плавания сын сильно привязался к Сухайлу: обоих связывала общая любовь к морю. – Да, я уверена: все это – только притворство.

С этим Том спорить не стал.

– И что же дальше? – спросил он.

Хороший вопрос. Как ни неловко в этом признаваться, я много раз воображала, что может случиться, когда мы с Сухайлом встретимся вновь... однако ни разу не принимала в расчет, что наша встреча может состояться далеко не в такой непринужденной обстановке, как прежние.

Что я могла ответить? Только одно.

– Я буду делать свое дело, – сказала я, оттолкнувшись от стены. Если бы мы вернулись в Дом Драконов, а не в Квартал Сегулистов, было бы легче: там я могла бы полностью отвлечься от невеселых мыслей. – И никому не дам повода говорить, будто отпирать меня сюда было ошибкой.

Однако я с самого начала сознавала, что это ложь. В моем столе в доме Шимона и Авивы хранился сложенный лист бумаги, и я позаботилась бы о том, чтоб он попал в руки Сухайла, даже если бы для этого мне пришлось перелезть через стену шейхова дворца.

Глава пятая

Услуга брата – Рутинная работа – Теряем Приму – Новое пополнение – Борьба с драконом

Увы – или, возможно, здесь лучше сказать «по счастью» – лазанье через дворцовую стену не могло бы принести ни малейшей пользы.

Посему мне хватило ума обратиться за помощью к тому, кто уж точно не усложнил бы положение – то есть к брату, к Эндрю. Да, он вполне мог поднять меня на смех, однако ему я могла поведать о своих внутренних противоречиях, не опасаясь, что это повредит моей репутации в обществе. (Тому я доверяла еще больше, но любое предпринятое им действие неизбежно рассматривалось бы в свете гулявших о нас с ним сплетен.)

На следующий день, после того, как Эндрю проводил меня домой, я пригласила его во внутренний двор, где можно было поговорить без лишних ушей, и спросила:

– Вот интересно, нельзя ли попросить тебя об одной услуге?

– Конечно, можно, – откликнулся Эндрю и тут же заулыбался. – Не придется ли мне пожалеть об этих словах?

– Для этого причин нет. Опасности тут никакой... и вовсе ни к чему корчить такую разочарованную мину, – со смехом сказала я. – Дело касается семьи шейха. Как выяснилось, его младший брат Сухайл был нашим попутчиком во время плавания на «Василиске».

– Понятно, – протянул Эндрю. – Ага. Понятно...

Сколь бы ни редко мы виделись в последние годы, слухи обо мне дошли и до него – некоторые, несомненно, не без помощи матери.

– Все эти сказки – вздор и полная чепуха, – заверила я. – Сухайл просто мой хороший друг и уважаемый коллега-ученый. Но, судя по всему, шейх наших отношений не одобряет, и мне не хотелось бы усилить его враждебность поступком, который может быть расценен как попытка сближения. Так вот, не мог бы ты передать ему от меня сообщение? Ничего неподобающего, даю слово. Дело всего лишь в том, что я обнаружила кое-какой материал, достойный исследования. Думаю, Сухайлу он будет интересен.

Замечаний насчет того, что я назвала Сухайла лишь первым именем, Эндрю отпускать не стал. То была давняя привычка, оставшаяся при мне со времен плавания на «Василиске», когда я не знала ни других его имен, ни украшающих оные титулов.

– Так тебе нужно, чтоб я передал ему этот материал? Или просто сообщить, что он у тебя?

– Хотелось бы мне вручить ему этот материал самой, будь это возможно, – призналась я. – Но если не выйдет, то – да, передай ты от моего имени.

Брат пожал плечами.

– Хорошо. Посмотрим, что тут удастся сделать.

К несчастью, сделать ему удалось только одно – следующим же вечером сообщить, что Сухайл уже покинул Куррат.

– Уехал назад, в пустыню, – сказал Эндрю. – Сам шейх ездит туда нечасто, вот и назначил брата своим представителем у кочевников.

Я призадумалась. Когда же началась сия практика? Сразу же после того, как Сухайл вернулся домой вследствие смерти отца? Или после того, как шейх узнал, что на смену лорду Тавенору приезжаем мы с Томом?

Так или иначе, теперь до Сухайла было не дотянуться. Досадное положение... Оставалось одно: надеяться, что вскоре он снова приедет в Куррат, или мы с Томом получим разрешение отправиться в пустыню сами. Как и сказал Эндрю, Сухайл был представителем шейха

у аритатов, а именно они обеспечивали нас драконьими яйцами и живыми драконами. Таким образом, разыскать его будет несложно.

Однако ни того, ни другого в самом скором времени ожидать не стоило, а между тем работа скучать не давала.

Дар аль-Таннанин жил в собственном, особом ритме, установившемся под началом лорда Тавенора. Животных надлежало кормить, чистить их ямы и вольеры, следить за их здоровьем. По эромерам, дабы ахиаты могли отправиться в молитвенные дворики, это бремя брали на себя ширландские солдаты; по кромерам ахиаты платили им той же услугой. (В эти дни наши солдаты вместо чтения Писания обычно предавались безделью. Домов Собраний в Куррате не было – только байтистские молельни, а Эндрю рассказывал, что набожность его товарищей прямо пропорциональна величине опасности для жизни.)

Мы с Томом провели эти недели, знакомясь со всем необходимым – с распорядком дня Дар аль-Таннанина, с рабочими дневниками лорда Тавенора и, конечно же, с самими драконами, с коими я познакомилась так близко, как никогда прежде.

Обычно мы гонялись за ними по дикой глуши, наблюдали их из укрытий, а вблизи объекты изучения осматривали только мертвыми. В Ахии же я впервые в жизни увидела в каждом из них индивидуальность. Лентяй Квартус, по-видимому, был вполне доволен затыжным бездельем: порой он и просыпался-то только затем, чтобы проглотить очередной кусок. Полной противоположностью ему была Квинта – существо беспокойное, раздражительное; именно она за время пребывания в должности лорда Тавенора несколько раз едва не сумела выбраться из ямы, что и послужило причиной их углубления. Один из детенышей, получивший кличку Шмыг, обладал безграничным любопытством, а со всем, что мы бросали в его вольер, играл, словно с игрушками.

Непосредственной пользы для нашей работы из всего этого было не извлечь, и потому заметки о подобных материях я писала в личном блокноте, а не в официальных рабочих дневниках Дар аль-Таннанина. Подобные наблюдения мы с Томом хотели опубликовать отдельно от материалов о тех задачах, что привели нас сюда: все это если и не способствовало успеху в разведении пустынных драконов, то пополняло копилку наших знаний о них. Однако спешить с публикациями мы, вне зависимости от надзора военных, не собирались. Для начала следовало собрать как можно больше сведений.

Я прекрасно знала, что говорят обо мне на базе. Упорное нежелание Тома принимать эту должность без меня вновь подстегнуло слухи, будто мы с ним – давние любовники. Подозреваю, но наверняка утверждать не могу, что Эндрю защищал мою честь при помощи кулаков. По крайней мере, за что-то Пенсит да подвергал его взысканиям, причем не раз. О причинах я не спрашивала. Мало-помалу слухи среди ширландцев прекратились. Продолжились ли в ахиатских кругах – не знаю и знать не хочу.

Несмотря на эти досадные недоразумения, рутинная работа доставляла мне радость, и так дело шло около месяца.

А затем, как это часто бывает, на нас внезапно обрушилась целая лавина событий.

* * *

Началось все со смерти Примы. Первая из взрослых драконов, доставленных в Дар аль-Таннанин, хворала она давно, однако старушкой оказалась крепкой и цеплялась за жизнь еще долго после того, как наши ассистенты начали пророчить ей скорый конец. Но вот тяготы неволи одержали верх, и Прима умерла.

Утрата сия меня встревожила. Казалось, причина – в нашей с Томом оплошности, хотя болезнь Примы началась задолго до нашего приезда в Ахию. Однако это предоставило нам бесценную возможность досконально изучить ее анатомию. Мы рассекли мертвое тело от носа

до хвоста, кости отдали на консервацию (здесь ничто не пропадало впустую), а остальное подвергли детальному исследованию. Целый день напролет я только и делала, что зарисовывала сложную сеть кровеносных сосудов, покрывающую внутреннюю поверхность крыльев и, в купе с таким же обилием вен с изнанки затылочного гребня, помогающую драконам регулировать температуру тела.

Но не прошло и недели со смерти Примы, как мы получили известие, что аритаты изловили еще одного дракона и в данный момент везут добычу в Куррат.

– Еще одна самка, – облегченно вздохнул Том, прочитав письмо. – Сухожилия супра-коракоидальных мускулов подрезаны, горло прижжено, но, если верить письму, она уверенно идет на поправку.

Мы обсуждали возможные способы удержать драконов в неволе, не калеча их, но камень преткновения оставался прежним: пусть даже нам удастся изобрести для них подходящие клетки – такие, которых они не смогут ни расплавить, ни сжечь, проблема транспортировки животных к означенным клеткам так и останется открытой.

В рассуждении, что запах другого дракона может вызвать у новоприбывшей стресс, мы решили поместить ее не в ту яму, что осталась от Примы, а в соседнюю, довольно давно пустовавшую, и, затаив дух, принялись ждать.

Новое пополнение прибыло в Дар аль-Таннанин в самом конце небулиса, в сопровождении целой кавалькады кочевников-аритатов. Животное ехало привязанным к большой повозке, запряженной верблюдами на длинных-длинных постромках. За время путешествия верблюды явно не успели привыкнуть к сему грузу: их ноздри тревожно раздувались всякий раз, как ветер нес запах дракона вперед. Как только они подтащили повозку поближе к яме, их выпрягли и увели прочь. Я надеялась, что их как следует угостят: кочевники славятся любовью и заботой, коими окружают своих верблюдов, а всякое животное, вынужденное тянуть повозку со своим природным врагом, заслуживает награды.

Мы с Томом наблюдали за прибытием со стены поместья.

– Бог ты мой! – ахнул Том, разглядев цепи, которыми зверь был привязан к повозке. – Мы просто обязаны разработать систему получше.

– «Системой получше» мог бы стать перенос всей базы целиком в пустыню, – пробормотала я. – И драконам, и их яйцам пошло бы на пользу, если б их не приходилось возить так далеко.

Конечно, тогда нам пришлось бы возить в пустыню все необходимое, а это обошлось бы недешево. Пустыня может прокормить небольшие группы пастухов-кочевников, но не стационарную рабочую базу – по крайней мере, без больших финансовых вложений и множества хлопот.

Том спустился вниз, осмотреть новоприбывшую, а я задержалась, дабы закончить рисунок, а еще, в какой-то мере – ради спокойствия остальных. Неважно, что, изучая драконов, я объехала вокруг света и, мало этого, даже прилюдно ездила на них верхом – никто не желал подпускать кавалерственную даму Изабеллу к опасному зверю, пока тот не посажен в яму. (Как видите, высокое положение в обществе имеет свои недостатки.) Однако имелась у меня и еще одна, скрытая причина: рисование давало повод разглядеть сцену во всех подробностях. А если я порой и делала паузу, наблюдая за сновавшими из стороны в сторону людьми и пытаясь разглядеть ту самую знакомую походку... что ж, нужно же дать руке отдых!

К тому времени, как наши люди приготовились снять новоприбывшую с повозки, я углядела среди кочевников двух потенциальных кандидатов, однако с любыми активными действиями следовало подождать. Впрочем, оно и к лучшему: ведь я даже не знала, что намерена делать, а посему самым разумным было заняться текущими делами.

Том подошел к новенькой со шприцем и ввел ей дозу хлоралгидрата, согласно составленным лордом Тавенором наставлениям. Но, несмотря на успокоительное, процесс оказался

весьма и весьма мудреным. Точной дозы мы в то время еще не определили, и посему были вынуждены балансировать на тонкой грани: при слишком малой дозе животное осталось бы слишком подвижным, слишком большая же могла вызвать несовместимые с жизнью судороги. Некоторое время Том пристально наблюдал за животным, и, наконец, подал знак начинать. Наши люди загодя обвязали драконье туловище веревками, теперь же – отомкнули цепи, удерживавшие зверя на повозке, и поволокли новенькую к яме.

Пожалуй, все прошло бы более гладко, содержи мы окрестную землю в лучшем состоянии. Однако почва вокруг была довольно камениста, и на пути им подвернулся большой валун, торчавший из земли. Веревки зацепились за него, и два человека отправились освобождать их.

Возможно, дракониху растревожило их движение, а может, она просто притихла, выжидая удобного случая – этого я сказать не могу. Знаю одно: внезапно она рванулась изо всех сил, изогнула длинное тело, высвободила из петли лапу и ударила ею ближайшего из солдат. Тот рухнул на землю. Второй с громким криком отскочил назад. Веревки ослабли еще сильнее, и в следующий же миг все четыре лапы зверя оказались свободны.

Полной свободы это не означало. Веревки, связывавшие лапы новенькой, были лишь частью ее уз, основная масса коих притягивала крылья к телу, плюс те концы, за которые люди тащили зверя вперед. Однако теперь, встав на четыре лапы, дракониха обрела точку опоры, позволявшую броситься наутек... что она и не замедлила сделать – с немалой, надо заметить, энергией.

Не введи ей Том успокоительное, дело кончилось бы рысканьем у самых стен Куррата весьма разозленного пустынного дракона с подрезанными крыльями и неминуемой пулей в голове животного. Но вместо этого у нас начались состязания в перетягивании каната: с одной стороны – множество отчаянно вопящих людей, с другой – дракониха, мотавшая стянутой веревками мордой в манере, недвусмысленно свидетельствовавшей, что она вмиг поджарила бы тут всех до хруста, если бы только могла.

Вскоре новенькой удалось поднять лапу над натянутой веревкой и наступить на нее. Не ожидавшие рывка люди кубарем покатались по земле. Я бросила планшет для рисования и поспешила к ним – сама не знаю зачем, так как мой невеликий вес вряд ли мог бы заметно повлиять на результат состязания. По счастью, мысль о помощи пришла в голову не одной мне.

Один из кочевников кинулся к вырвавшейся из рук наших людей веревке, поймал ее, прижал к земле, но тут же упустил, наступив на подол своего одеяния. Рвущаяся ткань затрещала едва ли не громче драконьего рыка. Слетевших с его языка слов я перевести не смогла, однако уверенно опознала тон: яростный протест, да к тому же высказанный прекрасно знакомым мне голосом.

Сухайл неуверенно поднялся на ноги. Платок соскользнул с его головы. Оскалив зубы в решительной улыбке, он вновь прыгнул за ускользавшей веревкой. Передняя лапа зверя метнулась к нему. Сухайл отбил удар ногой и тут же отскочил в сторону, уворачиваясь от вскинутой драконьей головы. Однако к тому времени солдаты успели подняться на ноги, и несколько человек поспешили ему на помощь. Передав им веревку, Сухайл подхватил другую, брошенную ему кем-то из кочевников. Эта веревка заканчивалась петлей, и со второй попытки Сухайлу удалось затянуть ее на передней лапе драконихи.

Последовал сильный рывок. Лишившееся опоры, животное грузно рухнуло наземь. Люди засуетились вокруг, спустя минуту-другую дракониха вновь была связана и разом обмякла, точно недавнее напряжение сил полностью лишило ее боевого задора – или хлоралгидрат наконец-то подействовал. Дракониху вновь поволокли вперед, и вскоре она, водворенная в яму, устало свернулась клубком на дне, под наклонной стеной.

Сухайл отвернулся от ямы и увидел меня. Не заметить меня, единственную женщину в обозримых пределах, стоявшую всего в десятке метров от него, было бы невозможно. Судя по отсутствию всякой реакции, он прекрасно знал, где я нахожусь, причем довольно давно, однако

не встретился со мной взглядом и вообще ничем не показал, что заметил мое присутствие. Он просто подобрал головной платок и сокрушенно покачал головой, взглянув на пострадавшую одежду.

Несомненно, ничего ужасного в том, чтобы подойти к нему и поблагодарить за помощь, не было. Но я не сделала ни шагу, не проронила ни слова, пока ко мне не подошел Том.

Он тоже помогал тащить новенькую к яме и весь взмок от пота.

– Мы должны найти лучший способ, – тяжело дыша, сказал он.

– Да, – согласилась я, глядя вслед кочевникам и окруженному ими Сухайлу. – Это уж точно.

Глава шестая

Амамис и Гикара – Помощь Махиры – Вольер в саду – Чинная беседа – Запоздалый подарок

Смерть Примы и появление Саэвы² (названной мной так за исключительную свирепость) были только двумя переменами из всех, что произошли у нас в то время. Спустя неполных три дня после сего инцидента на очередном корабле из Ширландии прибыли мои медоежки.

Я назвала их Амамисом и Гикарой, в честь тех самых брата с сестрой, легендарных основателей Спурены. Ничуть не уступая своим тезкам в стойкости, медоежки перенесли не одно, а целых два морских путешествия – правда, в куда более роскошных условиях. Я опасалась, что тяготы плавания дурно скажутся на их аппетите и по прибытии им потребуется особый уход, однако, стоило мне поставить перед ними блюдца меда, медоежки с азартом бросились к ним и принялись лакать сладкую тягучую жидкость шершавыми язычками. Когда тускло-зеленая Гикара отпихнула своего более яркого супруга от блюдца, тот попытался плюнуть в нее (таков их способ самозащиты, претендующий на своего рода экстраординарное дуновение), но без толку. Ядовитые свойства плевку медоежек придают токсины, содержащиеся в нектаре эвкалипта, но во время плавания Амамиса с Гикарой кормили клеверным медом.

Однако вскоре им предстояло перейти на обычную пищу. Несмотря на напряженность наших отношений, шейх разрешил мне для блага науки воспользоваться деревьями из его сада. Оставалось одно: разобраться, как это лучше устроить. Вряд ли шейху понравилось бы, начни я являться к нему на порог каждый день, и, дабы он не приписал мне нечистых помыслов, я особо подчеркнула, что и не думаю просить об этом. Все это значило, что вместо меня о медоежках придется заботиться кому-то из его домашних.

Конечно, я надеялась, что это может оказаться Сухайл. Правда, надежда была невелика, и совершенно справедливо, но как знать, кто решится взвалить эту задачу на свои плечи?

Однажды утром, прибыв в Дом Драконов, я узнала от лейтенанта Мартона, что в кабинете меня ждет дама из дворца шейха.

– Дама? – переспросила я. – Вы уверены?

– Вполне, – ответил он, словно удивившись глупости вопроса. – Ее имя – хаджи Махира.

Женщина, ждавшая меня в кабинете, была одета, будто супруга имама, аманианского предстоятеля на молитве: длинный плащ, лицо прикрыто вуалью, хотя меня вряд ли можно было принять за мужчину, коему следует адресовать сей знак почтения. Когда я вошла, она поднялась на ноги и сказала по-ахиатски:

² От *лат.* *saeva* – свирепая, яростная, буйная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.